

Решальщики

Андрей Константинов

Движуха

«АСТ»

2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Константинов А. Д.

Движуха / А. Д. Константинов — «АСТ»,
2013 — (Решальщики)

Решальщики вынуждены работать на легализовавшегося криминального авторитета. И решать вопросы им приходится как с представителями уголовного мира, так и с хозяевами крупного бизнеса. Впрочем, жизнь показывает, что вторые не столь далеко ушли от первых. «Решальщики. Движуха» – третья книга нового цикла Андрея Константинова.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Константинов А. Д., 2013
© АСТ, 2013

Содержание

История пятая,	6
Глава первая	7
Глава вторая	23
Глава третья	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Константинов

Движуха

© А. Константинов, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2015

**История пятая,
повествующая о том, что не всякий феникс
из пепла да восстает; о внеплановой прогулке
в Тверь, бодании с Бодулей; а также о
сезонном обострении у экс-следователя
Купцова и его отнюдь не «экс-» принципах**

Солнечный свет проникал с улицы сквозь плохо вымытые окна.

Внизу стояли автомобили, прогуливался охранник и горела свеча в стеклянном колпаке. Огонек свечи казался желтым лепестком на асфальте.

Где-то Петрухин читал, что пламя свечи символически обозначает душу покойного. Трудно сказать определенно – была ли у господина Образцова, более известного по прозвищу Людоед, душа? Но жизнь, определенно, имелась. И вот ее-то у него и отобрали. Жестоко отобрали, умело, профессионально...

По правде сказать, Дмитрию нисколько было не жаль ни души, ни жизни Людоеда. Сей персонаж с нелюбимой кликухой был ему вообще не шибко интересен. Но вот стрелок, который оборвал далеко не образцовую жизнь господина Образцова, напротив, занимал безмерно.

Дмитрий встал возле окна, взялся за шпингалет со следами порошка для дактилоскопии, распахнул створку. В пыльный чердачный воздух добавились запахи бензина и нагретого асфальта, ворвались приглушенные расстоянием звуки улицы. Петрухин высунулся, посмотрел вниз, «поднял к плечу» воображаемый карабин и «прицелился» в свечу.

– Пошли, что ли? – спросил Костя.

Петрухин молча кивнул, и они стали спускаться вниз.

Туда, где на дне уличного каньона трепетала свеча и адели розы...

Глава первая

Санкт-Петербург, 2011 г., 16 августа, вт.

Без государственных на сей раз переворотов, диктатур, катастроф и прочих историко-ассоциативных потрясений догуливал свои деньки обычно нескудный месяц термидор¹. Вместе с ним потихонечку готовилось паковать чемоданы скупое на солнечные улыбки балтийское лето. Всё правильно, пора. Как говорят в народе: «первый Спас – первые проводы лета». А первый, он же – Медовый Спас имел место быть аккурат в минувшее воскресенье...

Купцов не любил этого переходного времени года, которое неизменно вызывало в нем одну реакцию – уныние. Почему? Кто знает, кто знает... Положим, для детского возраста подобная реакция еще как-то объяснима – здесь налицо предчувствие надвигающейся учебной каторги. Но ведь и позднее, выросши из детсадовых штанишек и остригши вьюношеские патлы, Леонид все равно продолжал относиться к августу со внутренним предубеждением. На глазах жухнувшая, а всего неделю-другую назад еще полная изумрудной жизни природа нагоняла на Купцова тоску. И чем длиннее становились тени мало-помалу укорачивающихся дней, тем ошутимее становилась она, купцовская тоска. Достигая своего апогея примерно к середине сентября, после чего, с наступлением золотой осени, резко шла на спад. То бишь, когда у всех нормальных людей как раз и начинался сезонный сплин, внутри у Леонида, напротив, устаканивалось и успокаивалось. Вот такая была у него индивидуальная фишка, она же – особенность. Ну да всяк по-своему с ума сходит...

В общем, инспектор Купцов вступил в привычную депрессивную фазу и теперь буквально во всем бессознательно искал знаки и подтверждения навалившегося на него «ужаса нечеловеческого». А кто ищет – тот всегда найдет.

Началось всё с разрыва толком даже не успевших начаться отношений с Яной Викторовной Асеевой, продолжилось – бесславным финалом «сабельной истории»², а чем оно всё успокоится – одному Богу известно. Скорее всего, чем-нибудь столь же негативным. По крайней мере именно на такой исход Леониду недвусмысленно указывал гороскоп, помещенный на предпоследней полосе еженедельника «МК в Питере». С изучения коего он, будучи сегодня «дежурным по *прэсссе*», начал знакомство с печатными новостями новой трудовой недели.

«Суета и полная неопределенность августа, как, впрочем, и всех предыдущих месяцев, по-прежнему будет действовать Рыбам на нервы, – зачёл Леонид, акцентируя внимание на пророческую оговорку про „предыдущие месяцы“. – В конце лета представители вашего знака зодиака снова будут подвержены противоречивым устремлениям. Избежать эмоциональной нестабильности можно только одним путем – наконец-то решиться на длительный самоанализ и разобраться в собственных предпочтениях. Процесс сложный и трудоемкий, но его итогом может стать полное понимание сути свершающихся вовне событий, а также перемен, происходящих в личности самих представителей вашего зодиакального знака...»

– Чего пишут? – откатываясь в кресле от клавиатуры и блаженно, до хруста конечностей потягиваясь, поинтересовался у напарника Петрухин.

– Опять жуют за реформу МВД, – зашелестев газетными страницами, отозвался Купцов. – Щас, погоди, зачту один кусочек... Ага! Вот! «...Пусть и худо-бедно, но к настоящему времени правоохранительные органы очистились от различного рода одиозных личностей».

¹ Термидор – 11-й месяц французского республиканского календаря («месяц жары»), продолжался с 19/20 июля по 17/18 августа. В переносном смысле слово «термидор» означает любую реакцию против завоеваний революции.

² Подробности этих историй читайте в книге «Решальщики. Раскрутка».

– «Одиозных» – это типа нас с тобой?

– Вроде того, – подтвердил Леонид и продолжил цитирование: – «Это был пока грубый этап очистки, придется, конечно, еще работать в этом направлении».

– М-дя... По ходу, мы с тобой очень вовремя соскочили. Иначе нас бы всё одно зачистили: либо сначала – грубо, напильничком, либо потом – щадяще, мелкой шкурочкой.

– Шкурочкой – оно все ж таки приятнее.

– Да вы, батенька, мазохист.

– Отнюдь. Просто я сторонник деликатного обхождения. Особенно с близкими своими. Особливо – с непосредственными подчиненными. О! А вот еще один дивный абзац. Зацени, Борисыч! «...Одна из самых важных линий преобразований в МВД – преобразования кадровые, необходимые для продуманного и последовательного омоложения кадрового ядра на всех уровнях, создание эффективных механизмов выдвижения и продвижения талантливой и высокопрофессиональной молодежи, воспитанной в лучших традициях служения Отечеству, профессионального долга и офицерской чести. И здесь колоссальная роль принадлежит ведомственному образованию, которое в процессе воспитания будет формировать востребованных страной и службой сотрудников МВД России нового типа». Каково?

– Сильный текст, – хмыкнул Петрухин. – А главное – абсолютно универсальный. Если не держать перед глазами первоисточника, нипочем не определишь: в каком году, да что там – в каком веке?! – был сочинен.

– И это лишний раз доказывает, что Новое – это не просто хорошо забытое, но еще и впоследствии слегка переработанное и получившее другой заголовок Старое.

– Знаешь, Лёнька, при чтении подобных материалов – журналистских ли, внутриведомственных ли – на душе вечно возникает нечто нехорошее. Из-за чего мозг, словно защищаясь, пытается отыскать во всем в этом хотя бы зернышко здравого смысла. Ищет, но никак не может найти.

– «Ищут пожарные, ищет полиция... / Ищут они и не могут найти...»? – рассмеялся Купцов.

– Вот-вот. И по этой причине в итоге начинаешь думать о своей Родине... э-э-э-э... не совсем так, как оно подобает, – качнул головой Петрухин и потянулся за подавшим голос мобильным телефоном.

Он всмотрелся в высветившуюся на дисплейчике фамилию «Зеленков» и далеко не сразу сообразил, кто это. А когда наконец вспомнил, удивленно присвистнул:

– Надо же... Это ж сколько лет прошло?!

С Зеленковым они когда-то начинали службу в районе. В одном – буквально стол в стол – кабинетике. Потом Костя ушел в УУР, в отдел по борьбе с квартирными кражами, а уже оттуда, так и не выслужив пенсии, свинтил на гражданку. Вроде как удачно вписавшись в охрану некоего крутого бизнесмена. С тех пор их пути не пересекались. Пару раз Дмитрий что-то такое слышал о Косте от общих знакомых. Но – не более того. И даже странно, что до сей поры зеленковский номер: а) не изменился; б) продолжал оставаться в петрухинской мобильной памяти.

– Слухаю!.. А-а-а... Здорова-здорова, Котька! Сколько лен, сколько зин! Чем обязан такому вниманию?.. Хорошо, давай без прелюдий... И насколько серьезное?.. А ты в курсе, что меня со службы, как бы это помягче выразиться... э-э-э-э... тоже ушли?.. Даже так? Вот уж не думал, что моя скромная персона в нашем городке настолько обсуждаема... В принципе, можно и сейчас. А где?.. Да, я знаю это место. Через часик устроит?.. Договорились...

– С кем это ты стрелки забиваешь? – заинтригованно спросил Купцов.

– Котька Зеленков неожиданно объявился. Бывший опер из «квартирного» отдела. Да ты его должен помнить.

– Зеленков, говоришь?

– Усатый, основательный такой. Шайба – во! – Петрухин изобразил руками размер «шайбы».

– Зеленков... Зеленков... – напряг память Леонид. – А! Кажется, вспомнил. Он мне еще кота голодного вечно напоминал.

– Кота?

– Ага. Хитрованского такого типажа котяру. Постоянно высматривающего: что бы такое украсть. И чего от тебя нужно бывшему квартирному оперу?

– Говорит: дело у него какое-то. Якобы много дороже, чем на сто рублей. Хочешь, вместе на Ваську прокатимся? На три «по»?

– На три чего?

– По-видаемся. По-ностальгируем. По-слушаем.

– А-а-а... Да вроде неудобно – он ведь тебя одного приглашал. Опять же, ну как Брюнету чего приспичит?

– Брось! Котыка – свой человек. А за Брюнета обратно не вопрос, сейчас подстрахуемся. – Дмитрий пододвинул к себе телефонный аппарат, набрал три цифры приемной: – Здравствуй!.. Сияешь?.. Отрадно слышать. Солнышко, тут такое дело: нам с Купцовым нужно срочно отлучиться по очень важному делу. Засим, если босс вдруг станет интересоваться, скажешь, что мы убыли на секретное задание, предварительно поставив в известность... Кого поставили? Тебя, разумеется. Ага... А как же! Спасибо, милая. Целую крепко, ваша репка... – Петрухин положил трубку и заговорщицки подмигнул приятелю: – Вот и все. А ты боялась.

– Так вы с Аллой что? – немного смущенно, потому как дело-то интимное, спросил Купцов. – До сих пор... того?

Дмитрий одарил приятеля снисходительной усмешкой:

– Ты, наверное, хотел спросить, о мой целомудренный друг: продолжаю ли я поддерживать интимные отношения с секретаршей босса? Выражаясь простонародным: трахаемся ли мы по-прежнему? Ответ – нет, отрицательный. А вот продолжаем ли мы поддерживать отношения дружеско-деловые? Ответ – да, положительный. Хотя, конечно, в самой подобной формулировке уже есть что-то извращенно-противоестественное.

– Спорный момент. Вот, к примеру, доктор Астров говорил, что женщина может быть другом мужчины лишь в такой последовательности: «Сначала приятель, потом любовница, а затем уж друг».

– Доктор Астров? Это который из бюро судебно-медицинской экспертизы на Екатерининском?

– Нет. Это который из «Дяди Вани». Чеховский.

– Не знаю, не читал. Ну так чего, Лёньк, по коням?

– Знаешь, поезжай-ка ты, пожалуй, один.

– Хорош залупаться! – насупился Петрухин. – Между прочим, ты просто обязан доставить меня к месту встречи.

– Вот чего я совсем не обязан, так это выступать в качестве твоего извозчика. С какой стати?

– С такой, что я намереваюсь встретиться с бывшим собратом по оружию.

– И?

– И что же, по-твоему, на встрече выпускников ГУВД я должен употреблять безалкогольные напитки? Тебе вообще как? Не стыдно?

Последний аргумент закрыть было нечем. Так что Леонид досадливо сплюнул и начал переобуваться из кабинетных тапочек в уличные кроссовки.

* * *

Менее часа спустя решальщики и Зеленков сидели на открытой летней веранде ресторана «Мама Рома», что в самом начале островного³ Среднего проспекта, и вели неспешные разговоры за жизнь, потихонечку подбираясь к главному. Согласно последним веяниям, промез бывших сотрудников сделалось хорошим тоном в ходе алкодискуссий подвергать уничижительной критике текущую реформу МВД. Так что, повспоминав немного минувшие дни и старых знакомых, бойцы перешли к обсуждению модной животрепещущей темы. Тем самым невольно продолжив диспут, начатый решальщиками еще в офисе «Магистрали».

— А у них в конечном итоге всё уперлось в сокращение. В сокращение и переаттестацию! — в запале спора разгоряченно рубал воздух рукой Зеленков. — Притом что сокращать аппарат и в самом деле давно нужно было. Здесь я, как говорится, обеими руками за советскую власть!

В строгом деловом костюме и белоснежной рубашке, при галстукке и золотом перстне-печатке, всем своим видом Котька являл собой идеальный образ топ-менеджера среднего звена, жизнь которого почти удалась. В данном случае «почти» включало в себя раннюю седину, одышку, круги под глазами и тревожный, усталый взгляд. Это по-прежнему был тот самый «хитрованского», по определению Купцова, вида рыжеусый котяра. Вот только ныне не высматривающий по сторонам «где бы чего украсть», а скорее настороженно и прижавши уши озирающийся «как бы откуда-нибудь случайно не огрести».

— Согласен, нужно, — подтвердил Купцов. — Причем сокращать не только конкретные штатные единицы, но и целые подразделения. А именно — те из них, деятельность которых сводится исключительно к имитации деятельности и «решению вопросов». Но вот сокращение в отношении территориальных подразделений лично мне, мягко говоря, непонятно. Равно как пинки под зад таким, не побоюсь этого слова, выдающимся персонажам, как присутствующий здесь товарищ Петрухин.

— Спасибо, дружок. Будем считать, что прогиб засчитан, — с ухмылочкой отозвался Дмитрий. — Но, в принципе, да — есть такая буква в этом слове. Сколько я с разными территориями в последнее время ни общался, везде — одно и то же. Народ пребывает в полнейшем неведении относительно того, кого и как будут сокращать. А уж за «почему», ему, народу, вообще думать боязно.

Зеленков допил второе пиво, взялся за третье и, как бы между прочим, но не без дальнего прицела, отвесил как бы комплимент:

— Если уж тебя, Митрий, из органов попросили, тогда вся эта реформа и в самом деле не имеет никакого смысла.

— Меня-то, в отличие от того же Лёньки, правильно, как ты говоришь, «попросили», — возразил Петрухин, хотя и заглотил лесть. — Вот только в данном случае не персонально в нас с Купчиной дело.

— А «персонально» в чем? Или в ком?

— Я не очень люблю всяких там диссидентствующих псевдоэстетов. Но сейчас, пожалуй, соглашусь с пиздоболом Бродским: «Трагедия — это когда гибнет не солист, а хор».

— Ни фиги себе! — поразился Котька. — Помнится, при мне ты не то что Бродского — Чуковского не мог процитировать. Растешь, однако!

— Я бы на сей счет не обольщался, — пояснил Купцов. — Просто мы недавно одну мутную темку крутили, как раз непосредственно с творчеством Бродского связанную. Вот он

³ Здесь — Васильевский остров.

и понахватался... Кстати, Дим, а с чего вдруг ты нобелевского лауреата таким нехорошим словом назвал?

– А потому что мы с вами сейчас сидим на том самом Васильевском острове, на который сей деятель манерных искусств обещал приползти умирать, а сам взял и «двинул кони» в Нью-Йорке... А вот интересно, а у них там, в Штатах, тоже в обязательном порядке участкового вызывают, если человек дома загнулся?

– Побойся Бога! Откуда в Нью-Йорке участковые?

– А я знаю?... Ну, может, не участковые, а эти... как их... шерифы. Котька, ты не в курсе: есть в Штатах институт участковых инспекторов?

– Не, братцы, за Штаты врать не буду, не знаю. Но вот примерно полгода назад мотался я со своим шефом в командировку в Париж. И так уж получилось, что парочку раз бухал там с местными фликами⁴.

– Ух ты! Ну и как там оно, в Париже? – мечтательно заинтересовался общей мизансценой Купцов.

– Небось кальвадос изволили кушать? – завистливо заинтересовался частными деталями Петрухин.

– Да нет, всю поездку в основном местное винище пили, – начал с ответа на второй вопрос Котька. – Да и то без фанатизма. Они там, в европах своих, щас все сплошь поголовно малопьющие. Новый тренд у них такой.

– Да уж. Непьющий коп – это действительно тренд. От слова «трындец».

– Так вот, послушал я в промежутках между дринками за ихнюю полицейскую жизнь и ажно обрыдался.

– Что? Настолько всё фигово?

– Окстись, Митя! С чего ты взял?

– Сужу исключительно по боевикам с Аленом Делоном, который вечно боролся с ихней купленной на корню полицией. И, разумеется, по фильму «Откройте, полиция!» с Нуаре.

– Ну ты, блин, вспомнил. Это ж когда было!

– А сейчас типа не так?

– А сейчас там – у-у-у-у!.. – закатил глаза Зеленков. – Шоб я так жил! А также служил, получал и выходил на заслуженный отдых.

– Кончай уже интриговать! Давай поведай нам с Купчиной за буржуйские *ндравы*.

– Может, в другой раз? – усомнился Костя. – Боюсь, слишком долго рассказывать придется.

– А ты для начала хотя бы в общих чертах. Тезисно.

– Ну если тезисно... Тогда, пожалуй, начну с того, товарищи, что главный показатель работы полиции в Париже – это... – Зеленков выдержал паузу и обвел наноаудиторию вопрошительным взглядом. – Это... Ну, какие будут варианты? Активнее, товарищи, смелее!

– Количество зарегистрированных преступлений, – предположил Петрухин.

– Количество раскрытых преступлений, – поправил Купцов.

– Главный показатель работы французской полиции – это общественное мнение. Которое изучается независимыми социологическими службами порайонно и помикрорайонно.

– Эвона как! – крикнул Петрухин и неодобрительно покачал головой. – Знакомая история.

– То есть?

⁴ Здесь от *flic* – разговорное, жаргонное прозвище полицейских во Франции. По одной из версий, рядовые французы расшифровывают слово *flic* как *La federation legale des idiots casques* (в буквальном переводе «Легальная федерация идиотов в шлемах»).

– Получается, ежели вовремя заслать знакомому социологу ящичек какого-нить «бургундского крепкого розового», считай, показатели у тебя на кармане?

Зеленков снисходительно улыбнулся:

– Пардон, мсье Эжен, но я вынужден порекомендовать вам отправиться собирать окурки от сигарет «Голуаз» на бульвар Монмартр.

– Чего сказал? Переведи.

– Перевожу: «Хрен тебе, Егорка, собирай бычки!»

– А! В смысле?

– В том смысле, что ключевое слово здесь НЕЗАВИСИМЫЕ социологические службы.

– А разве такие бывают?

– У них – бывают! Ладно, идем дальше... Главный акцент в работе территориального отдела французской полиции – это дежурная часть. Где почти восемьдесят процентов обращений и сигналов отрабатывается сразу, в момент обращения.

– Да ладно!.. – усомнился Петрухин.

– Вот те мальтийский крест и медицинский полумесяц! – «побожился» Зеленков. – Причем именно что отрабатываются, а не расписываются, как у нас, участковым и операм.

– Которые благо если на следующий день себе в макулатурную папку положат, – удалившись в болезненные воспоминания, закончил Купцов.

– Вот-вот. Я, кстати, разок побывал непосредственно у них в дежурке.

– В каком качестве? Терпилы или подозреваемого? – ехидно уточнил Дмитрий.

– Хм... Очень смешно... Побывал в качестве стороннего наблюдателя. Так вот, там у них прям как на кухне – все буквально кипит. Вы только представьте, парни: буквально все скандалы, инциденты, даже самые мелкие происшествия забиваются в компьютер.

– На фиг?

– А чтобы в случае повтора машина сама выдала аналитику.

– Охренеть! – разинул рот Петрухин.

– А у нас тем временем, похоже, собираются подсократить и дежурки, – вздохнул Леонид. – Привет заявителям!

– Поехали дальше, – продолжил экскурс «в их нравы» Зеленков. – После дежурки все внимание местных шефов полиции уделено патрулированию улиц.

– Конному?

– Почему конному?

– Ну там же – Сена?

– Тебе бы, Митя, все шуточки шутить. А я, между прочим, сейчас серьезно.

– Молчу-молчу. Продолжай... Котик.

– Короче, в центре Парижа в штатском работают практически все. Даже полицейские типа нашей милиции общественной безопасности. У них там в арсенале лжеусы, лжепарики и прочая маскирующая амуниция.

– Навроде нашей «наружки»?

– Ну где-то так. А вот в пригородах патрулируют жандармы в форме. Которые – барабанная дробь! – живут в казармах, а потому могут собраться по вызову за считанные минуты.

– Че за хрень? В каких казармах? – озадачился Петрухин. – А если я, к примеру, не хочу? Если я хочу дома и с бабой... хм... в смысле – с женой?

– За такую зарплату, думается, можно и потерпеть.

– Во, кстати! А что там ментам платят?

– Зарплата младшего полицейского составляет порядка 1700 евро. Плюс бесплатный бензин. Плюс бесплатная стрижка, химчистка и прочие мелкие радости жизни. Да, и еще, оплата сверхурочных – обязательна. По этой причине во время ночных беспорядков в Париже желающих поработать было с лихвой – лес рук.

– Однако!

– А тяжело попасть в местные копы? – спросил Купцов.

– С некоторых пор – да. Опять же и обучение у них иное, нашему не чета. Например, на полицейских курсах всем обучающимся ставят баллы, а после выпуска человек, получивший большее количество, сам выбирает лучшее место в вакансиях. А худшего, соответственно, отправляют куда никто не хочет. Что-то навряд ли распределения в советских вузах. Когда «троечники», рыдая, паковали чумоданы и ехали в Сусуман или в Кустанай.

– Хм... Слухай, Котька, а может, при таких раскладах нам всем троим плюнуть на все, да и вербануться во французскую жандармерию? – задорно предложил Петрухин. – Необязательно прямо в Париж. Лично я согласен даже на какую-нибудь захудалую Шампань или Гасконь.

– Не выйдет.

– Почему?

– Гражданство нужно. Как минимум, вид на жительство. Опять же язык. Да и здоровье...

– А что здоровье? Мы еще молоды и, так сказать, полны. Сил и прочая.

– Ну разве что «полны». – Зеленков печально похлопал себя по пивному животику. – По правде сказать, братцы, не знаю как вы, а вот лично я, с хлебов рыночных, успел нажить себе лишь одно состояние – предынфарктное. А к нему до кучи атеросклероз, хондроз и гипертонию.

– М-да... Совсем некошерно, – посочувствовал Петрухин.

– А может статься, и еще хуже. Если вы мне не поможете. Собственно, потому я тебя, Борисыч, и высвистал, – печально произнес Костя, всем своим видом давая понять, что всё, доселе им поведенное, было не более чем присказка. А собственно сказка – вот она, только теперь начинается.

– Давай, брателло, *докладай*, что там у тебя стряслось.

– Папу нашего завалили. Неделью назад. Образцов. Выстрел на Казанской. Наверняка ведь слышали?

Петрухин удивленно присвистнул, а Купцов неодобрительно покачал головой.

Образцов! Еще бы не слышать! Образцов – это почти империя. Это поставки продуктов из Европы, это несколько ночных клубов и баров, склады, рынки, автоперевозки. Вот только выстрел снайпера все это дело перечеркнул. Склады, набитые европейской жратвой, остались. И грузовые фуры остались. И дискотеки никуда не делись – гремят динамиками и пылят коксом. Вот только Николаю Николаевичу Образцову по прозвищу Людоед отныне они уже были не нужны...

– Ясно, – сказал Петрухин. – Ты у нас, значится, у Людоеда работаешь.

– Ага. Работал... Пока ему киллер с чердака да в башню не заслал.

– Про твоего Папу мы, конечно, слышали. Как не слышать? И газеты, и ТВ – все отметились. Громкое дело.

– Громкое, – согласился Зеленков. – А для меня так просто оглушительное. Меня же мои кормильцы на куски рвут: ты, бля, служба безопасности, а папу не уберег... ты за что бабки получаешь? Я им, баранам, объясняю, что стопроцентной безопасности не бывает, что даже президентов США валят... Да куда там?! Разве им чего объяснишь? Они же обделались от страха. Каждый про себя думает: сегодня Людоеда, а завтра? Завтра – меня? Даже премию установили за раскрытие.

– Сколько?

– Двадцать тонн.

– Зелени?

– Нет, бля, деревянных... Не задавай, Митя, дурных вопросов. Конечно, зелени. Они думают, что это ментов подхлестнет, – мрачно сказал Зеленцов и подергал себя за ус, поморщился.

– Ну и как? Подхлестнуло?

– Я тебя умоляю! Птичка-то – глухарек... кому это нужно? Особливо сейчас, в наше столь неустойчивое и непредсказуемое настоящее... да что я тебе буду объяснять, ты же и сам все понимаешь... А мои хозяева как взбесились: обеспечить безопасность! Дай результат любой ценой. Им теперь со всех сторон снайперы чудятся, киллеры-шмиллеры. Беда, мужики... беда. Берут меня за горло. А ты же меня, Митька, знаешь: я всю жизнь воров ловил... Какие, к черту, киллеры?

Зеленков помолчал немного, а потом с читаемой в голосе надеждой спросил:

– Ну что, парни, возьметесь?

– За двадцать тонн? Хм... Можно, конечно, попробовать.

– А ты не забыл, что у нас свой Папа имеется? – укоризненно напомнил Купцов.

– Заниматься творческой деятельностью во внеслужебное время допускается даже сотруднику полиции, – назидательно ответил напарнику Дмитрий. Однако, увидев, что такое объяснение того не шибко вдохновило, показательно вздохнул и добавил: – Ладно, убедил, чертяка. Придется попросить благословения у вышестоящей инстанции. Короче, так, Котька: сегодня мы постараемся переговорить с Брюнетом и, в случае если добро от него будет получено, наведаемся к тебе, ну скажем....

– Для меня идеальным вариантом было бы завтра. Первая половина дня.

– Почему?

– Потом объясню.

– Хорошо. В любом случае сегодня вечером я тебе отзвонюсь.

* * *

После разговора с Зеленковым решальщики вернулись в «Магистраль».

Где им несказанно повезло, причем три раза подряд.

Во-первых, Виктор Альбертович оказался в конторе. Во-вторых, нашел время оперативно и без ненужных свидетелей принять. И наконец, в-третьих, дал свое принципиальное согласие на так называемую «халтуру».

Предварительно, правда, поинтересовавшись:

– Я только одно не понял: вам что – денег не хватает?

– Денег всегда не хватает, – невинно улыбнулся в ответ Петрухин. Однако тут же посерьезнел и добавил: – Но в данном случае не в деньгах дело, Виктор. Тем более что успех не гарантирован. А соответственно, не гарантировано и вознаграждение.

– Если дело не в деньгах, то в чем?

– Дык ремесло у нас такое.

– Ладно, работайте... ремесленники, – заключил Брюнет. – Но только не в ущерб нашему совместному делу!

– Не переживай, Витя, ущерба не будет. Согласно ранее отработанной схеме, один из нас все время будет оставаться «на хозяйстве». Да, и держи в виду следующее: ежели мы поднимем это дело, то ты, господин олигарх, автоматически поднимешь свой и без того высокий авторитет.

– Не понял? А каким боком тут мой авторитет?

– А как же? Сам посуди: в городке уже ходят разговоры, что, мол, Брюнет обзавелся собственной профессиональной службой безопасности. Убийство Нокаута раскрыли. Тему

с Тарасом порешали. А уж ежели мы классическую заказуху сумеем поднять, а? Тогда любой самый беспредельный отморозок скажет: эге, а с Витькой-Брюнетом лучше не связаться.

– Убедили, – с улыбкой хлопнул ладонью по столу Голубков. – Поднимайте свою заказуху и мой авторитет, хрен ему между...

Купцов и Петрухин двинули из директорского кабинета на выход.

– Кстати! – вспомнил Брюнет, и решальщики застыли у порога. – А какое вознаграждение установил «Феникс» за Образцова?

– Двадцать тысяч баксов, – честно ответил честный Купцов.

Виктор Альбертович лукаво прищурился:

– Надеюсь, в случае успешной реализации – пять процентов мои?

– Это за что же? – возмутился Петрухин.

– А за амортизацию службы безопасности! – немедленно нашелся Брюнет.

И, довольный, расхохотался...

Санкт-Петербург, 17 августа, ср.

На следующий день, с самого утра решальщики отправились в главный офис «Феникса». Тем самым практически сразу нарушив данное Брюнету обещание, что в «халтурные часы» один из них обязательно будет оставаться на хозяйстве.

Место для служебного замка покойный Людоед отхватил что ни на есть козырное – в самом центре Питера, всего в какой-то сотне метров от Казанского собора. Далеко не каждый бизнес может позволить себе роскошь аренды в сем «золотом прямоугольнике». Но уж если сможет – это сразу наглядно демонстрирует вес и статус фирмы. Так вот, судя по внешнему виду, бессмертная птичка Людоеда весила тяжелехонько.

Простому смертному припарковаться на Казанской в будние дни почти нереально. Впрочем, непосредственно возле «Феникса» свободные места еще имелись, вот только, как и «положено», не для всех. Не мудрствуя лукаво Дмитрий вкатил «фердинанда» на пустующее место, почти уперся бампером в табличку с надписью «Только для а/м ЗАО „Феникс“» и просигналил. Почти сразу распахнулась дверь с черным зеркальным стеклом и золотым изображением птицы, объятый пламенем, и из нее вразвалку вышел молодой мордатый секьюр в черной униформе, темных очках и, разумеется, с дубинкой. Секьюр остановился возле двери и ткнул концом дубинки в «фолькс» решальщиков, изобразив своего рода лениво-пренебрежительное движение. Дескать: пшли вон!

В ответ Петрухин снова коротко посигналил и подал микроавтобус на несколько сантиметров вперед, аккуратно на «фишку». Морда у секьюра вытянулась. Пару секунд он рассматривал водителя с некоторым удивлением: что, мол, за урод такой? Потом полный решимости двинул навстречу «слабодогоняющим товарищам». На груди у него, так же как и на дверях, горела золотом огненная птица.

Секьюр подошел, и Дмитрий медленно опустил боковое стекло.

– Здесь нельзя стоять, – достаточно нейтрально сказал охранник. Видимо, не мог понять, как к этим двоим относиться. – Это стоянка фирмы.

– А мы как раз на фирму и приехали. Давай убирай свою «фишку».

– На фирму? А по какому вопросу?

– А может, мне объяснительную на твое имя написать? – поинтересовался Петрухин, и этот аргумент отчего-то показался охраннику самым весомым.

Он «деликатно» кашлянул в огромный кулак с перстнем турецкого золота, убрал табличку, и Дмитрий поставил «микрик» на освободившееся место. Между двумя одинаковыми, сверкающими «вольво» обшарпанный «фольксваген» решальщиков выглядел... хм... не очень, и бычок-охранник снова ощутил легкий укол сомнения: а тех ли он запустил на

стоянку? Но тут из дверей офиса показался Костя Зеленков, который адресовал секьюру успокаивающую отмашку и направился к выбирающимся из салона партнерам.

На асфальте возле входа в офис стояла керамическая ваза с красными розами. Рядом, накрытая стеклянным колпаком, горела свеча.

– Здесь? – вместо приветствия спросил Костю Купцов.

– Здесь.

– А где обычно он парковался?

– Там, где вы сейчас встали. Это было его постоянное место.

Петрухин помрачнел лицом, так как обозначенная Зеленковым диспозиция была «совсем „не есть гут“». Расстояние от того места, где он сейчас воткнул «фолькс», до офисного подъезда составляло метров пять-шесть. Соответственно, у снайпера на всё про всё имелись те же пять-шесть секунд, не больше. А ежели Людоед был мужик энергичный – и того меньше. Тем не менее снайпер успешно вогнал пулю ему в голову на полпути между машиной и офисом.

Огонек свечи в стеклянном колпаке горел ровно, идеальной формы язычок пламени был вытянут вверх. Он казался наконечником копья и указывал строго в высокое небо. Оттуда, с высоты, прозвучал выстрел. Если верить газетным хроникам о криминальных происшествиях – всего один. И здесь, на самом дне улицы, рухнул на асфальт человек. Нет, оно конечно – Людоед. Но – все равно – человек...

Дмитрий посмотрел наверх, на серую громадину дома, откуда прилетела пуля, и подумал: «Хм... а ведь что-то в этом есть!» Петрухин еще не понял, что именно, но это самое «что-то» сейчас его крайне заинтересовало.

– Откуда стреляли? – уточнил он.

Костя погладил усы и показал желтым никотиновым пальцем:

– С чердака. Третье окошко слева. Хотите посмотреть место?

– Естественно.

Зеленков кивнул, и они втроем, перейдя улицу, направились в подъезд дома напротив. Лифта там не было, посему восхождение на пятый этаж большого удовольствия не доставило никому. Потолки в старорежимных домах были высотой под пять метров. Добавьте к ним толщину межэтажных перекрытий – получалось, что здешний этаж выходил как два более привычных решальщикам «брежневско-хрущевских»...

На четвертом Костя остановился отдохнуть.

– Ты чего, – спросил Купцов, – с похмеля, что ли?

– Я ж вам вчера говорил: облитерирующий атеросклероз нижних конечностей. Бросать курить надо.

– А чего ж не бросаешь?

– Как же, бросишь тут... Вот подохну, тогда и брошу.

– Логично, – только и сказал Леонид. А про себя подумал: «Блин! Надо бросать! Вот прямо с завтрашнего дня и брошу!»

Они стояли на лестничной площадке и ждали, пока Костя отдохнет.

Солнечный свет проникал с улицы сквозь плохо вымытые окна. Внизу стояли автомобили, прогуливался охранник и горела свеча в стеклянном колпаке. Огонек свечи казался желтым лепестком на асфальте...

Вопреки всем антитеррористическим инструкциям силовых министерств и внутриведомственным предписаниям жилищных служб вход на чердак был открыт.

Пригибаясь, чтобы не удариться головой, трое мужчин пролезли в низкую и узкую дверь. Чердак выглядел сплошным пересечением балок, стропил и дымоходов. Пыльный воздух прошивали косые солнечные лучи и тревожное голубиное воркование.

– Там, – показал рукой Зеленков на яркий квадрат слухового окна.

Решальщики двинулись к окну, а вот Костя притормозил и, несмотря на лютую одышку, все равно закурил.

– Вот именно отсюда он и работал, – пояснил он вдогонку приятелям. – Сделал всего один выстрел. Наповал. В голову. Бросил винтовку и слинял.

– А что за винтовка? – уточнил Петрухин.

– «Вепрь». Конверсионная штука на базе РПК⁵. Выпускает их вятско-полянский завод «Молот». Очень мощная машина под патрон 7,62 x 51. С оптикой, с пятизарядным магазином. В магазине было еще два патрона. Вот, пожалуй, и все... Да, кроме винтаря он оставил пару нитяных перчаток.

Дмитрий встал возле окна, взялся за шпингалет со следами порошка для дактилоскопии, распахнул створку. В пыльный чердачный воздух добавились запахи бензина, выхлопных газов и нагретого асфальта, ворвались приглушенные высотой звуки улицы. Петрухин высунулся, посмотрел вниз – туда, где мерцала свеча, символизирующая душу Людоеда. Он «поднял к плечу» воображаемый карабин и «прицелился» в свечу.

Букет роз внизу сейчас напоминал ему брызги крови...

* * *

После экскурсии на чердак они спустились вниз и прошли в офис «Феникса». Мордатый охранник, заценив, как запросто общаются Петрухин и Купцов с его непосредственным шефом, сделался воплощением любезности. Во всяком случае механически оскалился, что должно было, видимо, обозначать улыбку. Зубы его, отбеленные постоянным употреблением резинки, сияли.

Пройдя на удивление пустынными лабиринтами внутриофисных лестниц и коридоров, решальщики следом за хозяином вошли в кабинет Зеленкова – в царство кондиционерной прохлады и безликой офисной мебели. Чем-то отдаленно напоминающее их собственное нынешнее «магистральное» жилище.

Вот она, глобализация – бессмысленная, беспощадная и безликая.

– Напитки в шикарном ассортименте, коллеги, – с ходу направляясь к бару, озвучил рекламное предложение Костя. – От минералки через пиво к виски. Кому что?

Купцов попросил минералки, а Петрухин – со словами «Лёнька, обратно нас везешь ты!» – затребовал себе холодного пива, поинтересовавшись между делом:

– Костян, а я не понял: а где весь народ? Практически пустой офис!

– Так сегодня Папе девять дней. Вот все дружно на кладбище и ломанулись. А уже оттуда в кабак поедут, на халявное угощение.

– А тебя, значит, за «двойки» не взяли?

– Да чего мне там делать? – поморщился Зеленков. – Опять же, боссы снова насядут: как идет раскрытие? – Он раздал напитки, уселся за свой стол и попеременно посмотрел на партнеров. – Ну так какие будут выводы, господа сыщики?

– Классно твоего Людоеда завалили, – сказал Петрухин. – Хороший убой.

– И это все?

– На данный момент практически все.

– Круто.

– А чего ты хотел? Ты думал, что мы придем, как Шерлок Холмс с доктором Ватсоном, выкурим трубку, на чердаке поведем туда-сюда жалом и назовем фамилию убийцы? Ты же отлично знаешь, что так не бывает. Верно?

– Верно, – кисло ответил Зеленков и закурил.

⁵ РПК – ручной пулемет Калашникова.

– Давайте-ка, парни, прикинем, что у нас есть? – предложил Купцов. – А есть у нас вот какой сюжетец: девятого августа в девять ноль-три выстрелом снайпера был убит Образцов Николай Николаевич. Убийцу никто не видел – так?

– Так, – кивнул Зеленков.

– Из улик есть только оружие и перчатки. Про перчатки ничего не скажу, а вот оружие в достаточной степени редкое. Тут возможны какие-то зацепки.

– Да хрен там, – перебил приятеля Петрухин. – Они тоже отлично понимают, что оружие редкое. «Вепрь» – это вам не АКМ. Поэтому они наверняка использовали такой ствол, который ничего нам не даст. Возможно, он вообще левой сборки.

– Толково, – нехотя согласился Зеленков. – Думаю, что ты, Дима, прав.

– А нас, кстати, этот «Вепрь» вообще не особо и интересует, – перехватил инициативу обратно Леонид.

– С чего вдруг?

– Да потому, что он в руках следствия и нас к нему все равно не допустят... Ну как, Костя, можешь еще что-нибудь добавить?

Зеленков пожал плечами: что, мол, тут добавишь? Сейчас он был признателен коллегам уже за одно только, что те не стали задавать дурацких вопросов вроде были ли у покойного враги? Не получал ли он угроз в последнее время? Кому может быть выгодна смерть Людо-еда?.. Константин по жизни был опером и отлично понимал, что в данном конкретном случае они столкнулись с классической заказухой. А раскрывают такие убийства крайне редко. Причин тому много – как объективных, так и субъективных. Ну да... сие тема отдельного разговора.

– Значит, – настороженно резюмировал Костя, – не возбуждает дело?

Петрухин хлебнул пива, ответил:

– Извини, Константин, но... ты же сам все понимаешь. Реальных зацепок нет, а если начать разбираться с делами фирмы – так это на сто лет работы: кто кому чего должен? Да кто кого на чем кинул?.. У вас же наверняка сто партнеров и тыща сделок, проценты, доли, акции, рекламации, иски и еще хрен знает что... черт ногу сломит. Так? А в ночных клубах, поди, еще и торговля «колесами» идет?

– Хм... Ну да, есть, скажем так, нюансы, – кивнул Зеленков. – Но у меня вообще-то имеются кое-какие свои соображения.

– А ведь я спрашивал: у тебя есть что добавить? – нетерпеливо напомнил Купцов. – Чего ж молчал-то?

– Так ведь это только «соображения». Фактов нет.

– И все же, что за соображения, Костя?

Зеленков прикурил новую сигарету от окурка, окутался дымом:

– Если вы не беретесь – так чего же переливать из пустого в порожнее?

– В самом деле, – равнодушно подтвердил Дмитрий, допивая пиво и поднимаясь. – Ладно, Костян, мы, пожалуй, поедem... Извини, что отняли время. А за пиво – спасибо. Нефиговое пиво...

* * *

Под подобострастное секьюровское «До свидания, господа! Всего доброго! Приходите к нам еще!» решальщики покинули офис «Феникса».

Петрухин весело и как водится фальшиво насвистывал что-то под нос, а вот Купцов пребывал сейчас в крайней степени раздражения. О, как он был зол и раздражен! Зол на своего партнера, на исходящий от того запах пива в середине рабочего дня. Но более всего его сейчас раздражало петрухинское раздолбайство. Вернее, если называть вещи своими

именами, – непрофессионализм. «На людях» Леонид, естественно, подобного показывать и говорить не стал – то было сугубо их, что называется, «внутрисемейное» дело. Так что сейчас Леонид молча направлялся к микроавтобусу, чтобы уже там, внутри, в салоне, дать волю своему гневу.

– Не психуй! – неожиданно сказал ему Дмитрий.

Купцов стоически на это промолчал – терпел. Пока – терпел.

Кстати, интересно: а с чего это напарник взял, что он психует? Неужели все это сейчас написано у Леонида на лице?..

Решальщики загрузились в «фольксваген» очень вовремя: как раз в эту минуту начался дождь, и первые тяжелые капли застучали по крыше. Капли стучали по асфальту, по розам, и бутоны вздрагивали, как будто от окрика.

Леонид выводил «фердинанда» задним ходом. Черная стеклянная дверь и золотая птица, охваченная пламенем, удалялись от них. Дождевые капли разбивались о стеклянный колпак, прикрывающий свечку...

– А стрелять из того окошка, – Петрухин кивнул в сторону дома, из которого работал снайпер, – очень неудобно.

– Очень ценное замечание, – буркнул Купцов.

– Кстати, действительно ценное... если повезет...

Из последней петрухинской фразы Леонид не понял ничего, но снова промолчал. Потому как все-таки был здорово раздражен... Из-за этого пива, из-за Димкиной привычки насвистывать... да еще блатняк... да еще фальшиво. Ну а больше всего его бесило то, сколь легко Петрухин отказался от соображений Зеленкова. Козе понятно, что «соображения» – они «соображения» и есть. К ним всегда нужно относиться осторожно – потерпевшие такого, бывает, наговорят – беда! Но выслушать-то человека нужно! Тем более что Константин из бывших, из своих. Оно конечно: звезд с неба, как верно подметил Дмитрий, тот никогда не хватал, тем не менее в оперском деле, худо-бедно, волокет. Петрухин же попросту цинично заткнул бывшему коллеге рот.

Да, девять из десяти, что «соображения», не подкрепленные фактами, им бы все равно ничего не дали. Равно как они могли оказаться верными, но вот возможность их реализации находилась бы под ба-а-льшим вопросом. Вот, предположим, Зеленков шепнул им, что больше всех от смерти Людоеда выигрывает его зам – что он теперь точно станет директором... Ну и что? Как прикажете с этой информацией работать? Отправиться к господину заместителю и лобово спросить: «А не ты ли, сукин кот, Людоеда заказал?» В ответ на это заместитель либо закатит скандал с истерикой, либо вызовет того самого секьюра с дубинкой и прикажет спустить решальщиков с лестницы. То бишь, с точки зрения закона, доказать подобные «соображения» Зеленкова не удастся.

Но!.. Они-то с Петрухиным отныне работали за... э-э-э-э... за кромкой правового поля. И в этом смысле им сейчас было много проще. Да что там – значительно проще, нежели операм УР и следаку прокуратуры. Потому что их в своей работе отныне вполне устраивала и информация, полученная чисто оперативным путем. Им не нужны были санкции прокурора или суда, они не обязаны принимать в расчет встречные ходы адвокатов. В таких вольготных условиях всегда есть шанс поднять дело. И если бы они смогли довести его до конца, то, скорее всего, никаких чудес там бы не открылось. За смертью Людоеда явно стоял кто-то из его партнеров или конкурентов. Таковы реалии отечественного бизнеса, который, как был, так и остается полукриминальным. Бизнес, где прячут доходы или, напротив, отмывают сомнительные денежки, всегда чреват «нюансами», как сказал Зеленков. Потому и звучат по всей стране выстрелы и взрывы...

* * *

Хлестал дождь, «фердинанд» плотно стоял в пробке посередь Невского.

– Почему ты не дал высказаться Косте? – наконец дав волю эмоциям, с вызовом спросил Леонид.

В данном случае «вызов» – сорри за тавтологию! – был вызван тем обстоятельством, что Купцову очень хотелось заняться этим делом. Не из-за денег, нет. При его скромных, в общем-то, запросах денег им с сестрой отныне вполне хватало. На самом деле Купцову просто хотелось, во-первых, попробовать себя на настоящей заказухе. А во-вторых... Ему остро жаждалось такого дела, занятие которым могло бы максимально ускорить неспешное течение офисно-рутинного «магистрального» времени. И тем самым без существенных потерь выйти из начавшейся в жизни Купцова очередной депрессивной фазы...

– А что?

– Да ничего! К слову, кроме его «соображений», у нас сейчас именно что «ничего» нет.

– Ошибаетесь, инспектор. Кое-что все-таки имеется.

– И что же? Приоткройте, Дмитрий Борисыч, сделайте милость, завесу этой тайны?

– Стрелять оттуда очень неудобно.

– Это я уже слышал. Только при чем здесь удобство или неудобство стрельбы? Что это нам дает?

– Если они пользовались радиостанциями, тогда – да, пустышка. И ничего не дает, – глубокомысленно и пространно высказался Дмитрий.

– Может, хватит уже туману напускать? – рассердился Купцов. – Ты нормально, по-человечески можешь объяснить?

А дождь тем временем барабанил по крыше – будь здоров.

По лобовому стеклу бежали сплошные потоки воды. Небо над глобусом Дома книги расколола зигзагообразная белая молния с глубоким рыжим оттенком.

– Объясни, Дима, тупому следаку, при чем здесь неудобство стрельбы и радиостанции-пустышки? – снова попросил Леонид сквозь сплошной гул дождя в грузовом отсеке «фердинанда».

Петрухин посмотрел на напарника с выражением «нуладноизвини» и сказал:

– Если бы ты, Купчина, не поленился там, на чердаке, «взять в руки винтовку», ты бы и сам догадался.

– О чем догадался?

– Дружище, всё предельно просто! Один из классических полицейских приемов учит: поставь себя на место злодея. Вот я и поставил. Я «взял в руки» конверсионный карабин, высунулся в окно и стал «ждать Людоеда». И сразу понял, что стрелять из этого маленького окошка, расположенного почти на высоте груди, крайне неудобно. Тем более худо, если придется ожидать более-менее долго. Даже с моим ростом нужно стоять едва ли не на цыпочках, высунувшись из «амбразуры» и удерживая оружие на весу. Стоять «на пуантах» и испытывать немалый стресс – а, что бы там ни говорили про «хладнокровие убийцы», он тоже всего лишь человек! Стоять, ежесекундно опасаясь, что какой-нибудь случайный прохожий, ковыляющий в носу, задерет вдруг голову к небу, глубокомысленно разглядывая извлеченную из недр своего носа «козу», увидит тебя и заорет: «Киллер! Киллер!» И еще сто зевак следом поднимут голову. Понимаешь, о чем я?

– Нет. Не понимаю.

– Ох ты и тормоз, Лёня! – хохотнул довольный Петрухин.

– А ты не подкальвай, – с трудом сохраняя спокойствие, попросил Купцов. – Ты объясни.

Но вместо объяснений Дмитрий, упиваясь своим «всемогуществом», взялся странно рассуждать о том, какие все следаки серые, нелюбознательные, ограниченные люди с узким кругозором... скучные они, узколобые... неразвитые, тупые. Паразитирующие на титаническом труде скромных ребят-оперов, которые пашут день и ночь, в жару, в стужу и в ненастье. Не считаясь со временем, расстраивая здоровье, получая ранения и увечья от озверелых бандитов. Но все равно, невзирая на все трудности, эти замечательные люди – опера – поднимают сложнейшие, изощреннейшие преступления мощью своего интеллекта. Потому что они, опера, сплошь поголовно умницы, тонкие знатоки криминалистики, юриспруденции, психологии, игры в «козла», а также прочих высоких искусств. О, они даже ночью, во сне... хотя всем известно, что опера не спят, а даже если и спят, то не более тридцати-сорока минут. Так вот, даже во сне опер продолжает решать сложные криминалистические задачи. В то время как грубые, примитивные, негармоничные следаки просиживают штаны и отъедают ряхи. Есть даже серьезное подозрение, что известное горьковское «глупый пингвин робко прячет тело жирное в утесах» относится как раз к никчемному следачьему племени. А вот образ Буревестника – он наоборот...

– Просто списан с опера, – не выдержав, подхватил Купцов.

– Точно, – согласился Петрухин. – А еще оперативники все поголовно...

– Непьющие, – вставил Купцов.

Дмитрий осекся, потом сказал:

– Ну ты ври-ври, да знай меру... Так о чем мы с тобой говорили?

– О стоянии на цыпочках.

– Ах да! Короче, расклад такой: стрелять оттуда дико неудобно и тяжело. А учитывая, что Людоед будет находиться в поле зрения киллера каких-то пять-шесть секунд, стрелять требовалось быстро и наверняка. Так?

– Допустим.

– Значит, либо нужно было постоянно торчать в окне, рискуя оказаться замеченным, либо... Либо выставить на улице наблюдателя, который предупредит о появлении объекта. Если ребяташки для радиообмена пользовались станциями, то мы тянем пустышку. Но вот ежели наблюдатель позвонил стрелку по телефону, то...

– Блин! Как же я сам-то не допер? – Купцов восторженно вскинулся и от переполняющих чувств рефлекторно втопил кнопку клаксона. Страшно перепугав тем самым законопослушно переходящих на зеленый пешеходов: – Точно! Они загодя осмотрели место, прикинули что да как и решили, что стрелку маячить в окне с оружием в руках незачем.

– Возможно, они даже провели, так сказать, репетицию.

– Да-да, точно! Они заранее сходили на чердак, где убедились: времени на выстрел очень мало, стрелку требуется помощь. И тогда решили выставить наблюдателя – допустим, на углу Невского, – а стрелок занял свою позицию на чердаке. Он стоял около открытого окна с этим долбаным «Вепрем» в руках и ждал звонка.

– Либо сигнала рации.

– Тьфу на вас! – отмахнулся Купцов. – Он ждал звонка! Только так! По крайней мере я... я в это верю. Хочу верить! Он стоял, держал в руках свою конверсионную «берданку» и ждал. А наблюдатель со вторым телефоном колбасился поблизости.

– А если все-таки у них были рац...

– Тьфу на вас еще раз! Телефоны! Скорее всего, снабженные гарнитурой. В этом случае телефон вообще можно убрать в карман и не привлекать к себе лишнего внимания... Он стоял на углу, покуривал сигаретку бесечно. Никому и в голову не могло прийти, что он высматривает жертву... Могу даже предположить, что телефоны у них были заранее включены, чтобы не терять драгоценного времени на соединение.

– Хм... Между прочим, любопытная версия.

– Других не держим! Итак: утро, Невский, поток пешеходов и автомобилей... Человек с микрофончиком на прищепке у ворота... Есть! Этот самый выводящий увидел «мерс» Людоеда и сказал что-то себе под нос... Нам неважно, что. Главное, стрелок успел приготовиться... Через несколько секунд «мерседес» остановился у офиса, Людоед вышел...

– Ага... лишь бы не рации.

Леонид сердито зыркнул на приятеля:

– Ну какие, блин, рации? Очнись! Это же архаика! Двадцать первый век на дворе!..

– Хорошо-хорошо, будь по-твоему, нехай двадцать первый. Сейчас просто успокойся и следи за дорогой, – снисходительно улыбнулся Петрухин. – А вот доберемся до конторы, постарайся максимально быстро разыскать своего Дениса Ивановича и зарядить его на трудовой подвиг. Потому как, чуйкой чую, пахоты со всеми этими соединениями/антеннами окажется немерено...

Санкт-Петербург, 18 августа, чт.

«...В связи с возникшей оперативной необходимостью, в рамках взятого на контроль МВД уголовного дела № 2713/08-11, прошу в кратчайшие сроки предоставить сведения о телефонных соединениях операторов мобильной связи, которые проходили через установленную по адресу ул. Казанская, д. 18 антенну № 889967-56 в период с 08 часов 30 минут до 09 часов 30 минут во вторник, девятого августа...»

Денис Иванович притормозил, выделил жирным кеглем фразы про «контроль» и «кратчайшие», убрал пальцы с клавиатуры, перечитал наколоченный текст и, подумав немного, набрал номер на мобильном телефоне:

– Леонид Николаич, вечер добрый!.. Да, вот как раз сейчас сию занимаюсь вашей темкой... Слушай, а может, запрашиваемый период малость подсократить? Мне, конечно, фиолетово, но, боюсь, выборка получится слишком объемная. Там ведь вокруг адреса офиса, магазины, отели. Вы со всем этим делом зашьетесь стопудово... Да... Как?.. Нет, извини, но на стоимость это никак не повлияет... Хорошо... Как только – так сразу...

* * *

Свириденко сбросил звонок, подвел курсор к последней строчке и слегка подкорректировал фразу, сужая временные рамки запроса:

«...в период с 8 часов 45 минут до 09 часов 10 минут в понедельник, девятого августа 2011 года...»

Глава вторая

Санкт-Петербург, 20 августа, сб.

– Для результативного мозгового штурма необходим зеленый горошек мозговых сортов, – с интонациями специалиста-диетолога заявил Купцов, подмахивая с бескрайней, прогибающейся от ассортиментного изобилия магазинной полки банку консервированного гороха.

В последние месяцы решальщики, как правило, затаривались продуктами в ставшем почти родным универсаме «ВикторИя» (он же – бывший «Магистральный»), где по личному распоряжению Брюнета для них полагалась эксклюзивная пятнадцатипроцентная скидка. Однако этим субботним днем тащиться к черту на рога за-ради того, чтобы сэкономить пару-другую сотен, друзья поленились. А посему за едой и напитками для холостяцкого обеда, должного плавно перетечь – сначала в мозговой штурм, а затем в холостяцкий же ужин, они отправились в ближайший к купцовскому адресу универсам.

– Нет уж, дружище! Хотя бы в выходной день увольте меня от потребления консервов! – скривился Петрухин, возвращая банку на прежнее место. – Будем штурмовать мозгу с использованием исключительно натурпродуктов. Где тут у вас рыбный отдел?

– Вон там, за овощами.

– В таком случае – право руля! Нам с вами, инспектор, потребен фосфор. А фосфор, он – в рыбе, а лучшая рыба – это селедка. И не какие-нибудь пресервы, а натурпродукт из бочки – с головой и хвостом.

– Без вопросов. Только чистить будешь ты.

– Ручонки замарать боимся, господин бывший следователь? Все от форменных белых перчаточек не могём отвыкнуть? – съехидничал Дмитрий.

– Именно. Кстати, за фосфор в рыбе – это понятно. А вот в пиве что водится? Кроме мочегонного? – Леонид скосил глаза в тележку, где из отобранных приятелями продуктов помимо сиротливой буханки хлеба покамест помещалась лишь упаковка баночного пива. – Я к тому, что мы с тобой с дозой случаем не переборщили?

– Да что тут пить?!! Всего-то по два жалких литра на брата и выходит.

– Угу. Плюс литр водки в машине.

– Ну извини: не все философы пьют цикуту. Некоторые – и водку, – риторически отозвался Петрухин. – А в пиве, да будет тебе известно, содержится цельный витаминный комплекс: от редкоземельных до... хм... до часто-земельных металлов. Главное, чтобы, как в прошлый раз, твоя сестрица не читала нам нравоучений о пользе и вреде алкоголизма.

– Расслабься, Ирки сегодня не будет. Равно как и завтра. Так что можешь даже остаться заночевать. Кухонный диван в полном твоём распоряжении.

– Что? Будущая студентка пошла вразнос? Девки-мальчики? Печки-лавочки?

– Никаких мальчиков и лавочек! – нахмурился Купцов. – Я ей путевку в Прагу купил, за успешное поступление в университет. Позавчера улетела.

– Шикарно живете, господин инспектор!

– А как же! Стараемся соответствовать. Высокому званию представителя поставщика труб дворам их императорских величеств.

– Она тебе уже отзванивалась? Небось не вылезает там из старо-прамен-пабов?

– Да ты что? Ирка у меня вообще пива не пьет. Даже запаха не переносит.

В ответ на такую вот интимную подробность из жизни купцовских родственников Дмитрий страдальчески закатил глаза:

– О, боги! Где были ваши глаза! Ну зачем вы отправляете в благословенную европейскую, а по совместительству – пивную столицу детей неразумных?! Женского полу, да еще и с абсолютно неразвитыми вкусовыми рецепторами!..

* * *

За двадцать пять утренних минут «черного вторника», в промежутки между которыми втиснулось убийство Людоеда, через антенну, принадлежащую сотовому оператору «Мегафон», прошло четыреста девяносто четыре телефонных соединения. Много, но все-таки не критично. В том смысле, что, имея покойный привычку приезжать на работу не «в такую рань», а хотя бы на часик позже, зафиксированных соединений могло оказаться в разы больше. Ну да в любом случае восемь фирменных бланков, пересланных Свириденкой на почту решальщиков, оказались плотно набиты столбцами цифирей, один вид которых у рядового обывателя способен был вызвать скуку. Навевая ассоциации с таблицами Брадиса или чем-то подобным – занудно-логарифмическим. Синус твою, как говорится, в косинус!

Вот только Купцову и Петрухину эти распечатки не казались скучными. Более того – они их волновали! Вполне вероятно, что одно или несколько из этих четырехсот девяноста четырех соединений принадлежало убийцам Людоеда. Впрочем, столь же вероятно было и то, что убийцы все-таки пользовались портативными радиостанциями и их переговоры растворились в эфире, не оставив следов. «Телефоны! Только телефоны!» – упорно твердил Купцов, словно шаманил, заговаривал, однако на самом-то деле нервничал и сомневался. Понимая, что они с Петрухиным запросто могут вытащить пустышку...

Поскольку с таким количеством бумаг на кухне было не развернуться, партнеры сразу расположились в гостиной. Здесь, после легкого перекуса с легким распитием «водки под селедки», они честно поделили пачку распечаток и занялись анализом. На правах гостя Петрухин взялся «работать с бумагами» удобно и с ногами расположившись на тахте. Купцов же обосновался за столом среди неубранных тарелок и недогрызенных закусок. В общем, в комнате установился тот редчайший «творческий беспорядок», который в этом доме был возможен только в одном случае – в отсутствие контроля со стороны Ирины батьковны Купцовой-младшей.

Господа решальщики не спешили, изучая каждую распечатку вдумчиво и въедливо. Оно и понятно: ведь звонок убийцы ничем не отличается от звонка законопослушного менеджера. Ни Купцов, ни Петрухин еще не знали, как и по каким признакам станут определять нужные им телефоны. Более того – они совершенно не были уверены в том, что среди четырехсот девяноста четырех соединений сыщутся те, которые их интересуют. Однако подобный вариант развития событий не пугал: если при изучении «мегафонских» распечаток не удастся за что-то зацепиться, то...

То всего лишь придется «по-ленински» пойти другим путем.

– М-дя... По ходу, твой Денис Иванович оказался прав: с такими объемами мы провозимся аккуратно до морковкиных заговин. А то и дольше, – примерно час спустя сердито пробурчал Дмитрий.

Отложив бумаги в сторону, он поднялся с тахты, слегка размял затекшие конечности и прошествовал на кухню. Откуда вернулся с двумя баночками пива, приятно охлаждающими ладони запотевшими округлыми боками.

– Купчина! Прервись на технологический перерыв!

– Ага. Сейчас, – рассеянно, не поднимая головы кивнул Леонид, продолжая что-то вычерчивать на испещренном каракулями листе. – Слушай, Дим, а в твоей порции распечаток не попадались телефонные соединения аномальной продолжительности?

– «Аномальной» – это сколько?

– Ну минут пятнадцать – двадцать.

– Хе! Нашел аномалию! Если хочешь знать, наша Алка способна трепаться по мобильному по полчаса и больше.

– Это потому, что у секретарши Брюнета тариф безлимитный, да еще и за счет фирмы. А вот у меня здесь, – Купцов кивнул на отработанные списки, – пока сыскался всего один звонок продолжительностью более десяти минут.

– Да? Странно. Хотя... – Дмитрий задумался, припоминая. – Знаешь, а ведь у меня, наверное, тоже всего один. Ну максимум два. Щас, – он отставил пиво и принялся рыться в своих бумагах.

Воспользовавшись паузой, на днях «как бы бросивший» Купцов подрезал из лежащей на столе петрухинской пачки сигарету и с наслаждением закурил. Прямо в квартире! Обалдевшая от такой наглости кошка Муська проснулась, посмотрела на родственника хозяйки с негодованием и вышла из комнаты.

Хвала богам, что кошки не умеют разговаривать! А до возвращения Ирки – всяко выветрится.

– Ага, вот! Был такой звоночек. Продолжительностью в тринадцать минут с хвостиком.

В ответ Леонид поперхнулся дымом, закашлялся и посмотрел на Петрухина изумленно.

– Это у вас, инспектор Купцов, от того, что вы курите чужие, – откомментировал такую его реакцию Дмитрий. – Потому что вы, инспектор, чистой воды жлоб. Имея а-а-а-агромадный по российским меркам оклад, вы экономите на куреве. Прикрываясь неубедительным тезисом «я бросаю».

– Дима!

– Вот потому вас Бог наказывает кашлем...

– Димка! – Купцов стукнул ладонью по столу. – Хвост твой, он случаем не в шестнадцать секунд?

– Чего?

– Ты сказал: тринадцать минут с хвостиком. Хвостик – шестнадцать секунд?

– Да... а откуда ты... – начал было Петрухин, но не договорил, догадался.

Партнеры шустро сдвинули свои распечатки, и...

И все стало предельно ясно: один и тот же разговор дважды попал в распечатки. Один раз как входящий, второй – как исходящий.

– Они! – потрясенно выдохнул Купцов. – Все сходится. Все как мы и предполагали.

– Ты смотри-ка, а ведь и в самом деле срослось! – протянул Петрухин удивленно. – В восемь пятьдесят наблюдатель занял пост и сразу позвонил стрелку... Ты прав, Лёня, все время до появления Людоеда они были на связи. А в девять ноль три связь прекратилась.

– Думаю, что после выстрела стрелок скоренько смотался, а вот наблюдатель – наоборот, приклепал к офису, чтобы убедиться: дело сделано чисто, Людоед мертв. Впрочем, не настаиваю. Возможно, этого и не было.

– Но в любом случае – лоханулись ребята. Если бы они воспользовались для связи рациями – тогда сливай воду. Со стрелковой подготовкой у них все в порядке, а вот с оперативным мышлением определенно слабовато.

– Да брось ты. Все у них нормально. Просто они не могли предположить, что против них будут играть такие талантливые сыщики, как Петрухин и Купцов.

– Правильно говоришь, Лёня. Верно. По существу правильно. А вот по форме не вполне.

– А что такое?

– Ну как же? Вот ты говоришь: талантливые сыщики... так?

– Так.

– Во! А говорить нужно: талантливый сыщик Купцов и непревзойденный сыщик Петрухин... просек?

Купцов как бы смущенно поправил несуществующий галстук и вытянулся по стойке «смирно».

– Извините, товарищ корифей-капитан... я был неправ.

– Вольно, товарищ корифей-майор, берите пиво – заслужили – и садитесь.

– Спасибо. Большое спасибо. Я лучше пешком постою.

– Ну и хрен с тобой... Ну, будем! – Приятели чокнулись банками, сделали по паре живительных глотков. – Э-эх, хорош-шо! – блаженно сощурился непревзойденный сыщик. – Ну а теперь давай-ка помозгуем, что нам с этим добром дальше делать?

– Как это чего? Снова напрягать товарища майора Свириденко. Причем в двойном размере.

– Это как?

– Нам потребно сделать один запрос касаясь личности владельцев и второй – раскрывающий максимально полную «биографию» телефонов с момента регистрации и по сей момент.

– Ну, что касается «биографии», чую, будет она короткой, – вслух задумался Петрухин. – А еще, мнится мне, что твой товарищ Денис Иванович в скором времени либо озолотится на наших заказах, либо...

– Либо?

– Либо попадет в поле зрения сотрудников департамента собственной безопасности.

– Тьфу! Типун тебе на язык!..

Санкт-Петербург, 22 августа, пн.

Их было двое, и при жизни Людоеда оба держались в тени. Потому что были они – ма-а-ленькие-маленькие.

Но вот после смерти хозяина здорово – сразу, оба два – подросли.

А подросши – тотчас взялись неустанно доказывать самим себе и персоналу «Феникса», что на самом-то деле они всегда были ба-а-льшие-преба-альшие, только... очень скромные.

Потому никогда и не высывались. До поры до времени.

Их было двое – этих славных соратников Людоеда, чистая душа (здесь правильнее сказать «чисто душа!», сопровождая фразу поясняющим жестом растопыренных пальцев) которого продолжала трепетать на асфальте, прикинувшись импортной свечкой из навороченного супермаркета.

Господа Безродный и Треплов были очень похожи: оба в хороших костюмах, оба – очкастенькие и брылястенькие. Внешне доброжелательные, внутри – настороженные. Эдакие: двое из ларца с одинакова яйца...

– Мы, Константин Валерьевич, в вашу епархию не лезем.

– До поры до времени, – уточнил Треплов.

– Именно, – согласился с уточнением партнера Безродный. – Свобода действий вам предоставлена если и не полная, то значительная.

– Равно как утвержден размер вознаграждения для стимулирования полиции. И немалый.

– Именно, – снова надул щеки Безродный. – Так что мы не спрашиваем вас, каким образом вы решаете поставленную перед вами служебную задачу. Мы интересуемся – когда?

Заслушивание начальника службы безопасности происходило в апартаментах покойного Людоеда. Внутреннее убранство коих, как нетрудно догадаться, было на высшем

уровне – строго, достойно, солидно. На дальней стене, перед которой стояли стол и трон Любоеда, распростерла крылья птица феникс.

«Заслушиваемый», он же господин Зеленков, собрался с духом и выдал новым боссам «домашнюю заготовку» – уверенную, четкую, вот только «ни о чем»:

– Все это время отрабатываются рабочие версии. Как минимум две из них к сегодняшнему дню отпали. Что само по себе – уже результат. Каждый вечер идет рабочий созвон с нашими людьми в полиции. К слову – реальных зацепок там пока тоже нет.

– В современном мире мы не можем ждать милости не только от природы, но и от полиции, – весело заметил Безродный.

– Тем более что от полиции чаще всего дожидаясь не милости, а подставы, – позволив себе легкую шутиливую игривость, уточнил Треплов.

– Вот-вот... Здесь вам, Константин Валерьевич, не отдел по борьбе с квартирными кражами, а солидная фирма. Хватит уже по старинке работать! Да и включите, в конце концов, креативное мышление.

Константин насупленно покосился на Безродного и, с немалым усилием сдерживаясь, ответил максимально корректно:

– Извините, Лев Семенович, но я не знаю, что такое креативное мышление и куда его подключают. Для меня это как квадратный трехчлен в математике: не только не знаю – даже просто представить не могу.

– Еще раз повторяю, Константин Валерьевич! Мы не спрашиваем вас: что и как делается? Мы спрашиваем: когда будет результат?

– Говорить о возможных сроках реализации с моей стороны было бы верхом непрофессионализма. Может – через месяц. А возможно – никогда. Знаете, есть такое понятие как «глухарь»?

– Знаем, телевизор смотрим, – вмешался в их диалог Треплов. – Вот только мы сейчас не в телевизоре! Скандалы-интриги-расследования... Короче, через две недели состоится собрание акционеров. А накануне мы соберемся и снова заслушаем вас. И если выяснится, что вы по-прежнему топчетесь на месте, в повестку дня собрания будет внесен дополнительный пункт.

– Именно, – привычно надул щеки Безродный. – Дополнительный пункт о досрочном расторжении трудового контракта с начальником службы безопасности «Феникса». Вам всё ясно?

– Более чем.

– В таком случае вы пока свободны, Константин Валерьевич...

* * *

Зеленков покинул начальственный кабинет, каким-то чудом удержавшись от истеричного гроыхания дверью. Внутренне kloкоча, он спустился двумя этажами ниже, добрал до запертой двери своего кабинета и резко ускорился, услышав как внутри разрывается городской телефон...

– Слушаю.

– Здорова, начальник! – донесся в ответ задорный петрухинский темборок. – У тебя деньги на трубке кончились, что ли?

– О! Привет, Димка! Это просто меня на ковер к новому – шоб ему! – начальству дергали, и я мобилу отключил. Чтобы лишний раз гусаков не дразнить.

– Понятно, причина более чем уважительная. Слухай, тебе имя Нечаев Игорь Палыч ничего не говорит?

– Не, а кто это? – спросил Костя.

После того как Петрухин в довольно резкой форме отказался от участия в деле, Зеленков на него малость... В общем, не то чтобы обиделся, но испытал, скажем так, некоторое разочарование. Петрухин, разумеется, это понимал, а потому сейчас, как бы небрежно, пояснил:

– А это, друг мой, не кто иной, как человек, на имя которого убийцы вашего Людоеда зарегистрировали свои сим-карты.

Какое-то время Зеленков ошалело молчал. Потом спросил:

– Так вы чего, парни? Все-таки взяли за дело-то?

– А то!

– Ну вы, блин, даете!

– А то... Так ты точно не знаешь никого с такими позывными? – для порядка уточнил Петрухин. – Среди персонала вашего «Феникса» или среди партнеров-конкурентов такого нет?

– Нет, – твердо сказал Костя.

Собственно, на такой ответ Петрухин и рассчитывал.

Разумеется, существовала некая вероятность, что Нечаев всё же как-то связан с «Фениксом», но эта вероятность была совсем мала. И вот теперь Дмитрий ее проверил и убедился, что Нечаев, скорее всего, лицо подставное. Которое, пожалуй, и не подозревает, что на его фамилию накануне убийства Людоеда были зарегистрированы сразу две симки – в двух разных офисах и с разрывом не более часа.

Петрухин поговорил с Зеленковым еще пару минут, объяснил ситуацию, а напоследок сказал:

– Ты извини, Котья, что в тот раз я на понтах ушел. Сам понимаешь, сначала хотелось проверить: а не пустышка ли? Не обижайся, старый... ты же все понимаешь.

– Да ладно, – сказал, как отмахнулся, Зеленков. По его интонации, а главное, по растянувшейся довольной «чеширской» улыбке чувствовалось, что он несказанно обрадован тем, что партнеры предложение приняли. – Вы, главное, парни, держите меня в курсе. А если потребуется в чем-то моя помощь, то я – всегда!

– А раз всегда, тогда еще такой вопрос: некое ЗАО «Манхэттен-Плюс» случаем в число ваших партнеров не входит?

– Входит! Еще как входит! А ты почему спрашиваешь?

– А потому, что мнится мне, зелененький ты мой, что «соображения», коими ты в прошлый раз хотел с нами поделиться, как раз таки связаны с фирмой «Манхэттен». Так?

– Та-ак... А как вы... – обалдело начал было Зеленков, но Петрухин его перебил:

– Значит, так, Купчину я с утра отправил в местную командировку, в Гатчину. Думаю, он скоро должен будет вернуться, если, конечно, не угорит в пробках. Если мы вечером к тебе в офис проскочим, часиков, скажем, в семь, есть шанс застать тебя на рабочем месте?

– Конечно. Жду.

– Вот и зер гут...

* * *

– Большой-пребольшой гут, – повторил Дмитрий, кладя трубку.

В ответ телефонный аппарат тут же затянул особую, легкоузнаваемую руладу местного вызова. Заслышав которую Петрухин ругнулся – теперь, когда решальщики взяли какой-никакой след в деле убийства Людоеда, любая «магистральная» тематика становилась фактором отвлекающим.

Правда, трубку он все-таки снял.

А сняв, обозначая свое раздражение, не то рывкнул, не то гаркнул:

- Слушаю!!!
- Фу, Димочка! Ну зачем так кричать?
- Я не кричу, я вырабатываю начальственный голос.
- Зайди в приемную, «начальственный».
- Алла, я сейчас очень занят. Давай позднее, а?
- Тогда пусть Купцов поднимется. Виктор Альбертович распорядился, чтобы вы срочно забрали факс из Омска и к вечеру отправили им подробную справку.
- Мать-перемать!
- ЧТО?
- Я говорю: как всё это некстати. С этими твоими сибиряками!
- Во-первых, они не мои. А во-вторых, кончай материться.
- Ну извини. Нервы. Хорошо, сейчас зайду.

Петрухин положил трубку и подозрительно уставился на телефонный аппарат, словно ожидая от того очередной подлянки. Но на сей раз японской сборки чудо-машинка промолчала, и Дмитрий, вздохнув, поплелся в приемную за факсом из Омска.

Пока Петрухин поднимался этажом выше, Аллочка успела погрузиться в очередной телефонный звонок. Так что, когда он толкнул дверь и просочился в приемную, то уткнулся глазами в спину и по-мальчишески стриженный затылок секретарши – в момент разговоров дружеско-интимно-доверительного свойства Аллочка имела привычку крутиться в рабочем кресле, порой совершая за один звонок по несколько десятков оборотов вокруг своей оси.

Будучи увлечена беседой, секретарша не услышала, как в приемную вошел посетитель, а потому продолжала беспечное щебетание:

– ...это когда ты построила официанта, и он побежал включать для нас музычку? Конечно помню. И чего?.. А! Да, точно. Сейчас посмотрю, повиси... – Не меняя позы, Аллочка протянула ладошку за ежедневником и зашебуршала страницами. – А какой это был день недели, не помнишь?.. Точно?.. О, вот, нашла! Пиши: фамилия первого Мирошников, а второго – Петров... Да... Да не за что!.. Ой, да ты мне еще будешь рассказывать! А то я не знаю, что этот ваш «Манхэттен-Плюс» – полный отстой! Я вааще не врубаюсь: чего ты там столько времени делае...

– КТО?! – неожиданно гроыхнуло откуда-то сзади.

Да так гроыхнуло, что от испуга и неожиданности Аллочка едва не соскользнула с кресла на пол. Она опасливо поворотила хорошенькую головку и изумленно выпятилась в стоящего на пороге приемной, бешено вращающего глазами Петрухина.

Который отрывисто, словно вколачивая гвозди, спросил:

– С-КЕМ-ТЫ-СЕЙ-ЧАС-ГО-ВО-РИШЬ?

– О, господи! Дима, ну разве можно так пугать? Я чуть не описалась со страху!

– КТО у тебя на линии?

Напуганная секретарша не сразу поняла вопрос, а когда до нее дошло – недоуменно посмотрела на зажатую в кулачке влажную телефонную трубку и обиженно сказала:

– Кто-кто? Уже никто! Я испугалась и кнопку с красной трубкой случайно нажала... С подружкой я говорила, с Танькой.

– Она что, работает в «Манхэттене»?

– Ну да. А что здесь такого?

– Хм... И как часто вы с ней видитесь?

– Да не так чтобы очень. Последний раз – дней десять назад.

– А точнее?

Аллочка задумалась:

– Ну... Ну этот было в тот день, когда... Когда еще этого... который Людоед, на Казанской застрелили.

– О, боги! – хватаясь за голову, простонал Дмитрий. – Она еще и в курсе за Образцова! – Петрухин в три шага пересек приемную, бесцеремонно уселся на заваленный бумагами секретарский стол и, нависая над девушкой, зашептал: – А сейчас? Сейчас кто кому звонил? Ты ей или Татьяна тебе?

– Она мне, – также перешла на шепот ничего не понимающая Аллочка. – А что?

– Что Татьяна От Тебя Хотела?

– Да ей сегодня понадобилось для бухгалтерии казенные деньги списать. За железнодорожные билеты до Твери. А фамилии – ну тех, которые ехали, – они у меня в ежедневнике остались. Просто ей в тот раз, ну когда мы обедали, записать было некуда, вот она и попросила у меня «ручку/бумажку».

– А теперь, Аллочка-Солнышко, еще раз: все сначала и максимально подробно...

Флешбэк

Если в советские времена термин «рабочий полдень» ассоциировался в первую очередь с радиоконцертом по заявкам слушателей, то теперь, в наши дни, эта часть суток на западный манер устойчиво именуется «временем бизнес-ланча». Временем, когда за относительно невеликие деньги вы можете получить не только порцию пищи горячей, но и дополнительно пищи духовной. Для этого нужно всего лишь предварительно созвониться с работающими друзьями или коллегами и определиться с выбором места совместного вкушения и того и другого.

Раз в неделю Аллочка и ее институтская подруга, представительница той же, не менее почтенного возраста, нежели небезызвестная «древнейшая», профессии Татьяна встречались в уютной кафешке «Гурмания», что на Литейном проспекте, – аккуратно в географической точке, равноудаленной от офисов их контор. Некогда воспетый Ильфом и Петровым диетологический лозунг «Тщательно пережевывая пищу, ты помогаешь обществу» в случае с секретаршей «Манхэттена» Татьяной и секретаршей «Магистрали» Аллочкой не работал – барышни появлялись в заведении общепита, в первую очередь, для того, чтобы активно «пережевывать» предстоящие, текущие и за отчетный недельный период минувшие житейские события. А поскольку обе были женщинами свободными, таковых событий в их бурной личной жизни происходило великое множество.

Вот и девятого числа, аккуратно в полдень, подруги лениво ковыряли ложечками фирменный «гурманский» салатик и на порядок активнее обсуждали новое увлечение Татьяны – инструктора автошколы «Светофор». Коему та «отдалась» на первом же занятии по вождению. История, понятное дело, была наинтереснейшей, вот только ее живописанию сейчас крайне мешал доносившийся из огромной плазменной панели бубнеж ведущего новостей. Которого, как раз в эту самую секунду, на телекартинке сменил профессиональный «горевестник» со своим трагическим стендапом с улицы Казанской:

– ...мы прерываем наш выпуск для срочного сообщения: сегодня утром в самом центре города убит генеральный директор торговой компании «Феникс» Николай Николаевич Образцов. Как сообщают очевидцы, пуля попала жертве в голову...

– Затрахаи! Вот ей-богу, затрахаи! – злобно рычит Татьяна и принимается вертеть головой по сторонам. – Молодой человек! Эй! Да-да, я к вам обращаюсь!

Услужливый халдей бросается к столику барышень, натягивая на физиономию маску почтительной угодливости:

– Сударыням угодно заказать что-то еще?

– Сударыням угодно выключить эту мерзость! Люди отдохнуть и, пардон, пожрать к вам пришли. По-вашему, подобного рода картинки способствуют пищеварению?

– Да-да, конечно... Извините...

Халдей стартует в обратную сторону, подхватывает с барной стойки «лентяйку» и уводит в ноль восторженные комментарии криминального корреспондента. День которого сегодня явно удался. О, заказное убийство! Воистину – ты король телерејтингов!

– Круто ты его построила! – восхищенно качает головкой Аллочка.

– Да задолбали уже с этими новостями! – сердито огрызается секретарша «Манхэттена». – На работе – «Евроњьюс» без умолку. Домой придешь – там отец в новости пялится, во все подряд... Кстати... – Татьяна косится на «плазму», – я немного знала этого Образцова.

– Да ты что?!

– Ага. У «Феникса» с нашей фирмой какие-то общие темы были. Этот Образцов, в принципе, нормальный такой дядька. Юморной. Уж не знаю, за что его Людоедом звали.

– Ка-ак?

– Прозвище у него такое было – Людоед... Да ладно, фиг-то с ним... Алка! А чего ты мне перестала про своего нового рассказывать? Про бывшего мента? Который у вас в службе безопасности устроился?

– Потому что нечего рассказывать, – темнеет лицом Аллочка.

– У вас что? Всё закончилось?

– Типа того.

– А кто был инициатором? Ты? Он?

Аллочка не успевает поведать свою скорбную историю, так как в этот момент у Татьяны пиликает мобильный. Подруга смотрит на высветившийся номер и делается «кислее кислого»:

– Слушаю, Евгений Борисович... Я? На обеде... – Татьяна прикрывает рукой трубку и недовольно шепчет подруге: «Митрофанов! Везде, блин, достанет!» – ...Да... Так там же Аня вместо меня осталась!.. Ну хорошо, конечно... А на какое число билеты? На вечер?.. А почему в СВ? Они до Твери могли бы и в купе спокойно доехать... – Татьяна свободной рукой начинает делать в воздухе пассы, прося у Аллочки ручку и клочок бумаги. Та, порывшись в сумке, кладет перед ней свой рабочий ежедневник. – Секундочку... да, записываю... Как? Мирошников А. П., номер и серия паспорта...

– Я пока схожу – носик попудрю, – вставая из-за стола, шепчет подруге Аллочка.

– Есть, записала. – кивает в ответ Татьяна. – А второй пассажир? Петров?..

Подруга продолжает «работу работать», а Аллочка направляется в сторону дамской комнаты...

Ленинградская область, Гатчина, 22 августа, пн.

Что общего между автомобилем, пистолетом и сотовым телефоном?

На первый взгляд, как будто ничего. Но на самом деле общего у них довольно много. Вот только в данном конкретном случае интерес для нас представляет лишь одно обстоятельство: и автомобиль, и оружие, и сотовый телефон подлежат регистрации и «имеют» владельца. Сходство это, впрочем, формальное.

К примеру, автомобиль, если сильно постараться и перед кем надо «расстараться», теоретически можно зарегистрировать по левым документам или по доверенности в отсутствие владельца.

С оружием такой номер стопудово не прокатит.

Но вот ту же сим-карту в наши дни можно запросто приобрести и без паспортных данных потенциального владельца, и без доверенности. Что, к слову, и случилось с двумя сотовыми номерами, засветившимися в убийстве Людоеда. В этом сегодня лично убедился дотошный Купцов, не поленившийся оседлать служебного «фердинанда» и совершить марш-бросок в областную Гатчину, в адрес прописки господина Нечаева.

Улицу Ольховую навигатор отчего-то категорически не знал. Так что Леониду пришлось порядком покуролесить по кривеньким улочкам частного сектора, пока наконец он не уткнулся в двухметровый металлический забор с массивными, снабженными домофоном воротами. Де-юре хозяин «запалившихся» телефонных номеров был явно человеком небедным.

Купцов выбрался из микроавтобуса, втопил кнопку звонка и получил в ответ порцию злобного хрипато-собачьего лая. Лишь через пару минут послышался командный хозяйский рык, псина заткнулась, а ворота скрипнули. Явив миру недовольного пятидесятилетнего мужика в спортивных шортах и футболке с забавной Масяниной рожицей и надписью: «Гутен, блин, хренов таг!» Господин Нечаев молча и с плохо скрываемой неприязнью смотрел на Купцова, по-видимому принимая того за рекламного агента, намеревающегося втюхать какой-то товар.

– День добрый. А можно мне повидать Игоря Павловича Нечаева?

– Ну, допустим, я Игорь Палыч.

– Очень приятно. Моя фамилия Купцов. Я менеджер из службы технической поддержки компании «Мегафон».

Леонид козырнул фальшивой «корочкой», которую Нечаев равнодушно проигнорировал и сказал, поморщившись:

– Мне это неинтересно. Я пользуюсь другим сотовым оператором.

– Извините, но у нас на это счет имеется несколько иная информация.

– Что за информация? О чем вы?

– Я по поводу двух сим-карт, которые вы приобрели в офисах наших официальных дилеров седьмого августа. По ним накопилась большая задолженность.

– Еще раз! Повторяю! Я пользуюсь другим оператором и никаких симок – ни седьмого, ни десятого, ни... э-э-э-э... сорок пятого у вас не покупал! Это ошибка.

Купцов сочувственно покачал головой:

– Э-э, уважаемый Игорь Павлович! Видите ли какое дело: я или кто-то из наших сотрудников в данном случае теоретически могли ошибиться. Но вот компьютер... Исключено! – Отметив замешательство на лице Нечаева, Леонид поспешил подсказать прочитываемый рабочий вариант развития событий: – А как вы думаете: не мог ли кто-нибудь воспользоваться вашими паспортными данными?

– Хм... Возможно... – неуверенно сказал Нечаев. – Дело в том, что у меня в прошлом году паспорт украли.

– Вот как? Уже теплее. А где, при каких обстоятельствах это случилось?

– Я был в Твери, в командировке. Вот там меня и, как это говорится, обнесли. Вытащили в кафе из кармана пиджака и паспорт, и бумажник.

– Что, и официальное заявление подавали?

– Естественно. Подавал. И штраф оплатил, и новый паспорт давно выписали... Так это что ж получается? Теперь какая-то сволочь моим документом пользуется?

– Очень может быть. Во всяком случае, мы попробуем проверить эту версию, – вполне честно пообещал Купцов. – Ну что ж, в таком разе извините за беспокойство, Игорь Павлович. Будем разбираться.

– Да уж! Вы там, пожалуйста, разберитесь.

– Разберемся и поставим вас в известность. Но, в любом случае, рассчитываем на вас в качестве нашего не мнимого, а реального клиента. В частности, очень рекомендую тариф «Окрестный»: для жителей Гатчины звонки в Питер за полцены.

– Я подумаю об этом.

– Прекрасно... Какой у вас славный... хм... песик. Немец?

– Да.

- А как зовут?
- Чубайс.
- Ух ты? Это потому, что с рыжими подпалинами?
- Потому что хитрожопый.
- Хм... В принципе логично...

Санкт-Петербург, 22 августа, пн.

Нынешним вечером Виктору Альбертовичу не удалось закосить от отбывания очередной культурной повинности. Этому обстоятельству в немалой степени поспособствовал случившийся накануне внеплановый и крайней неприятный для Брюнета визит с берегов Ланжерона⁶ на берега Невы мадам Плевицкой, приходящейся двоюродной тетушкой его супруге Алине.

Свалившаяся посередь жары как снег на голову дальняя родственница тридцать лет прослужила билетером в знаменитом Одесском национальном академическом театре оперы и балета и по этой причине мнила себя заядлой «балетоманкой». Равно как и записной «операманкой». К чему, по ее собственному убеждению, обязывала легендарная «певческая» фамилия. И хотя новый театральный сезон в Петербурге еще не начался, к неудовольствию Виктора Альбертовича, именно на эти дни пришлись гастроли балета Эйфмана, приуроченные к 65-летию маэстро. Как результат – все почтенное семейство Голубковых, включая малолетних наследников и телохранителя Влада, в данный момент расквартировалось в ВИП-ложе Александринского театра и с минуты на минуту собиралось начать внимать авангардной постановке «Красной Жизели».

Морально готовясь к неизбежному, Брюнет беспрестанно вздыхал и обильно потел. Однако на порядок заметнее сейчас нервничал Влад: он беспрестанно вертел головой по сторонам, напряженно всматриваясь в публику, и периодически ощупывал подмышечную кобуру, спрятанную под пиджаком «от Бриони» (личный подарок Брюнета). А все потому, что на днях наконец удосужился посмотреть подсунутый Купцовым диск с третьей частью «Крестного отца». И теперь, впечатленный кровавым финалом расстрела семейства Корлеоне на ступенях палермского театра, Влад расценивал Александринку как место повышенной киллерской угрозы.

– Виктор! – с придыханием и не без старческого кокетства баском зашептала в правое Брюнетово ухо Элла Семеновна. – А вы уже были в этих стенах после реконструкции?⁷

– Нет, – буркнул Виктор Альбертович, которого люто корбило подобное фамильярное обращение. Да еще и с местечковым одесским «прононсом».

– Ай-ай-ай! Как же так, ВиктОр?

– Хм... Работы много. Дела.

– На самом деле, тетя Элла, он просто терпеть не может балет. Хотя вживую ни разу его не видел, – снисходительно улыбнувшись, внесла поправку слева госпожа Брюнетша.

– Не может быть! ВиктОр! Голубчик! Как можно не любить балета?! Тем более Эйфмана! С его такой ослепительной дерзостью пластических решений?!

– Так это он сейчас будет... хм... плясать? – явил во всей красе дремучее невежество «владелец заводов-газет-пароходов».

– О, боги! – ужаснулась мадам Плевицкая и картинно всплеснула руками. – Но и ты, Алинушка, хороша. Нужно заниматься эстетическим воспитанием мужа. Ты меня слышишь?

⁶ Ланжерон – один из самых известных городских пляжей Одессы.

⁷ В данном случае речь идет о генеральной реконструкции, проводимой в 2005–2006 гг. и приуроченной к 250-летию театра.

– Непременно, тетушка. Вот прямо сейчас и начну.

– Ах, я так взволнована! Завидую вам, ВиктОр. Сейчас вам предстоит впервые окунуться в божественный мир танца. Это состояние – оно сравни... Э-э-э-э... Я даже не могу подобрать достойного эпитета... Это все равно, как впервые взойти на брачное ложе с любимой женщиной.

– Да ладно. Какое там ложе? Они же все – пидоры!

– ЧТО? КТО? – потрясенно отшатнулась от крутого, но дремучего родственника мадам Плевицкая.

– Ну эти, которые балеруны...

Хвала Мельпомене, что в следующую секунду свет в зале упал, а занавес, соответственно, поднялся. Иначе сия культуроведческая дискуссия грозила обернуться тетушкиным не эстетическим экстазом, но – прозаическим инфарктом...

* * *

На подъезде к городу Купцов слегка подзастрял в пробочках, так что к офису «Феникса» в начале восьмого Петрухин подъехал в гордом одиночестве и на такси.

Зеленков нетерпеливо дожидался гостя на улице: он стоял у входа под козырьком, курил неизменную сигарету и общался с уже знакомым решальщикам охранником. Возле их ног покачивались бутоны роз, горела под колпаком свеча. Капли дождя стекали по стеклу, как слезы...

«Любопытно, – подумал Петрухин, расплачиваясь с таксистом и выбираясь из машины, – всплакнул ли кто-нибудь по Образцову? Всплакнул ли кто-нибудь по человеку с выразительным прозвищем Людоед? Вполне может статься, что и нет... А еще интересно: сколько сроку они намерили этому импровизированному мемориалу? В принципе, при таких оборотах и завязках птенцы гнезда „Фениксова“ вполне могут потянуть и обустройство здесь Вечного огня. В память о всех безвременно ушедших жертвах беспредела...»

В кабинете у Котьки жалюзи были закрыты и горела настольная лампа. В ее свете густой сизой волной предсказуемо плыл сигаретный дым.

– Ну что скажешь, коллега? – с трудом сдерживая нетерпение, спросил Зеленков. Ему так не терпелось услышать о результатах проведенных решальщиками раскопок, что он забыл предложить гостю напитки.

О чем «тактичный» Петрухин, впрочем, не преминул напомнить.

– Блин! «Семен Семеныч»! – шлепнул себя по лбу хозяин и, подорвавшись с места, оперативно организовал для Петрухина «темное запотевшее». Затем, выждав для приличия время, необходимое для первых, самых вкусных глотков, повторил вопрос.

– Вот этот телефончик, – Дмитрий протянул бумажку с номером, – числится за «Манхэттенон». Именно по нему звонил один из убийц вашего Людоеда. Сразу после исполнения заказа.

– О как! Сейчас проверим! – Зеленков развернул на экране монитора клиентскую базу данных и принялся азартно стучать по клавишам. Не прошло и минуты, как выражение азарта на его лице резко сменилось разочарованием. – Увы, но это всего лишь телефончик приемной. По нему сотни человек в день звонят. Спроси у секретаря, кто звонил, – она и не вспомнит.

– Есть такое дело, – подтвердил Петрухин. – Не помнит Татьяна этого звоночка.

– Какая Татьяна?

– Секретарша «Манхэттена».

– Так вы и это уже прокачали? Ну вы даете, мужики! А с какого номера звонил убийца, тоже знаете?

– Само собой. Расклад покамест вырисовывается такой: исполнителей, похоже, было двое. Незадолго до убийства ими самими либо кем-то третьим, но для них по паспорту жителя Гатчины Нечаева были приобретены две «мегафоновские» сим-карты. Которым суждено было прожить короткую, но яркую жизнь. Одна из симок, та, что, судя по всему, была у стрелка, в день кончины Людоеда отработала тринадцать минут шестнадцать секунд и с тех пор голоса не подавала.

– А вторая?

– Ее «биография» оказалась длиннее на одну минуту и три секунды. Столько продолжался звонок в «Манхэттен», имевший место быть сразу после убийства Образцова. И я не склонен думать, что туда звонили поинтересоваться ценами на пряники.

Зеленков задумался:

– Хочешь сказать, что некий наблюдатель сперва убедился, что Людоед благополучно перешел в другое состояние, а потом позвонил и доложил заказчику?

– С вами приятно иметь дело, инспектор Зеленков, – растянулся в довольной улыбке Петрухин. – Похоже, вас еще не до конца скрутила лютая болезнь «водярка мозга».

– А вот мое нынешнее начальство сетует, что у меня напрочь отсутствует креативное мышление.

– А ты поменьше разных идиотов слушай.

На столе у Зеленкова затрезвонил служебный телефон, и Костя, немного напрягшись («Господи, пронеси! Лишь бы не боссы!»), ответил:

– Зеленков, слушаю!.. Кто? Ах, да-да, это ко мне. Пропусти... Нет, не надо выписывать... – Костя положил трубку и с облегчением пояснил: – С поста охраны звонили, Купцов подъехал.

– Маладца! Еще не мировой рекорд преодолевания вечерних пробок, но уже к тому близко. Слухай, а что вообще за фирма этот «Манхэттен»? Какие у вас с ними дела?

– Если честно – хреновые дела. Контора-то у них мощная. Будь здоров какая контора – склады, магазины, перевозки. Из Европы продукты гонят, на таможне все схвачено. В общем, крепко стоят ребята. А заправляет там у них Митрофанов Евгений Борисыч. Формально он совсем никто, транспортным отделом, что ли, заведует. Но мазу там держит именно он.

– Прокачивал?

– А как же. Питерский, сорок шесть лет. В девяносто восьмом был осужден Василеостровским судом на пятерочку за разбой. На подхвате у него ходит подельник по тому самому разбою, якобы авторитет Кирюша Коровин, он же – Бодуля. Сам Бодуля за тот случай получил восьмерик. Видать, тогда был покруче. Но сейчас – никто, алкаш запойный, урка на незаслуженном отдыхе. В своей Твери он, может, до сих пор и авторитет, но здесь, у нас, мазу держит Митроха. А Бодуля только на подхвате.

– А почему «в своей Твери»? Он что – тверской?

– Тверской, – подтвердил Зеленков. – Тверской алкаш... А что?

– Потом объясню. Значится, говоришь, отношения у «Феникса» с «Манхэттеном» были хреновые?

– В общем – да. Примерно с годик назад наш Людоед затеял строительство в Приморском районе торгово-развлекательного комплекса. Что, как ты сам понимаешь, требует сумасшедших инвестиций. Просто немереных бабок. Тут и подвернулся «Манхэттен» с предложением партнерства. Они были готовы поучаствовать, во-первых, финансово. А во-вторых, предложили в качестве взноса свои таможенные возможности. В комплекс требовалось ввезти немало импортного оборудования, а если «разумно» платить таможенные пошлины, то сэкономить здесь можно круто. Понятна суть?

– Чего же не понять?

– Довольно долго шли переговоры. В таких делах масса нюансов, и каждый хочет выторговать себе наиболее вкусные условия. В общем, я тут не особо компетентен и не буду тебе вкручивать, что чего-то просекаю. Знаю только, что наш Людоед и Митроха вроде бы договорились.

– Вроде бы или точно?

– Договорились, – махнул рукой с сигаретой Зеленцов. – Точно договорились. И уже даже началось строительство. Но в один прекрасный момент к нам приперлись Митроха с Бодулей и ответственно заявили, что их не устраивают условия распределения будущей прибыли. Понятна суть?

– Чего ж не понять? – снова повторил Петрухин.

– Людоед, разумеется, ответил: нет, братцы, отныне это не тема для дискуссии. Поздно пить «боржоми», тем более что его теперь и нет в продаже. Ну а буквально через неделю после этого его и завалили.

– Здесь любой адвокат заметил бы, что «после этого» еще не означает «вследствие этого».

– В принципе – да. Но мы...

– Но мы с тобой, слава богу, не адвокаты. Значится, говоришь, Митроха и Бодуля? – задумчиво произнес Дмитрий. – Какие замечательные бизнес-имена... Акулы рынка! Трогательная смычка начальника транспортного цеха и тверского алкоголика.

– Это кто тут упомянул славный город дедушки Калинина всеу? – задорно спросил с порога Купцов.

Приятель так увлеклись беседой, что упустили момент его появления в кабинете.

– А ты с какой целью интересуешься? – в тон поинтересовался Петрухин.

– А с такой, что паспорт у гражданина Нечаева был украден о прошлом годе в городе Тверь. Кстати, всем здрасте!

Купцов прошел к столу, по очереди пожал клешни приятелям и по-хозяйски свернул пробку бутылке с минеральной водой. Жадно глотнул.

– Я так понимаю, инспектор, что прокатились вы небесполезно?

– Скорее да, чем нет, – скромно пожал плечами Леонид. – Поскольку нечаевскому пачь-портику приделали ноги в Твери, а всплыл он в Питере, вполне может статься, что заказали господина Людоеда здесь, но вот исполнителей пригласили из соседнего региона.

– Я практически убежден, что так оно и было, – подтвердил Петрухин.

– А помимо убеждения – есть что-нибудь еще? В пользу этой версии? – осторожно, словно боясь спугнуть удачу, спросил Зеленков.

– Обижаешь, дружище! Естественно.

– Тогда – крыть нечем. Что называется: снимаю перед вами шляпу.

Купцов до дна осушил бутылку минералки и выдохнул о своем, о наболевшем:

– А знаете, братцы, оказывается, стояние в пробках порой настраивает не только на матерщинный, но и на философский лад. Вот и меня, по пути к вам, где-то в районе площади Победы, посетила одна глубокая мысль.

– И какая же? – поинтересовался Костя.

– А что они вообще хотят от нашего расследования?

– Кто они?

– Твои боссы?

– Ну как... Хотят установить заказчика. С доказательствами, разумеется. И еще хотят... э-э-э... конфиденциальности.

– Это все понятно. Но какова конечная цель? – уточнил формулировку Купцов. – Просто мой профессиональный опыт свидетельствует, что потерпевший стремится найти своего обидчика в трех случаях.

– Это в каких же?

– Случай первый: он хочет уличить негодяя и сдать властям, каковые вынесут справедливый приговор. Второй: хочет свести счеты сам, по закону мести. И наконец, третий: терпила желает получить денежную компенсацию за свои мытарства. Так каковы мотивы твоих боссов, Костя?

Сигаретный дым в кабинете сгустился до физически ощутимой плотности.

– Они же бизнесмены, – после некоторой паузы ответил Зеленков с улыбкой. Вот только улыбка была невеселой.

– Они же бизнесмены, – повторил вслед за Костей Купцов. И попросил сигарету.

– Ты же бросил, – напомнил Петрухин, протягивая пачку «Мальборо».

– Я не бросил, я – приостановил, – машинально ответил Леонид. Думал он сейчас явно о другом.

В комнате висел слоями дым, трое матерых профи сидели и молчали.

– Значит, говоришь, бизнесмены? – повторил Купцов.

– Бизнесмены.

– Выражаясь старорежимным – «барыги»?

– Типа того.

– Барыга редко мечтает о мести, – резюмировал Леонид.

Он громко закашлялся и сунул только что прикуренную сигарету в переполненную пепельницу.

* * *

Барыге не нужна месть. Барыге нужны бабки. Поэтому объятые пламенем камикадзе из «Феникса» не обрушатся на «Манхэттен». Серое нью-йоркское небо, пробитое башнями «Америкэн-интернешенс-билдинга» и «Трам-билдинга» вторично, после приснопамятного «Фаренгейта 9/11», не вздрогнет от клекота огненных птиц-мстителей. Нет, они, разумеется, туда прилетят, но только для того, чтобы поклевать жемчужных зерен в закромах золотой Уолл-стрит. Чужой «любимый город» может спать спокойно. Потому что... барыге не нужна месть, барыге нужны бабки.

Второй раз кряду Купцов покидал офис «Магистрали» в состоянии внутреннего клотания и раздражения. Но если в первый раз его негатив был связан исключительно с непонятными до поры до времени действиями Петрухина, то вот теперь его негодование было обращено внутрь себя и адресовано исключительно себе любимому. Леонид поначалу даже не понял: с чего он вдруг так взъерепенился? Всяко ведь не из-за идиотских нью-йоркских ассоциаций, навеянных словом «Манхэттен» и памятью о городе, в котором никогда не был? И лишь теперь, выкатившись вместе с Димкой на улицу Казанскую и направляясь к зачalenному на стояке «фердинанду», он понял, что причина нынешней злости кроется в отчетливом осознании того факта, что он – бывший следователь Купцов – играет на поле барыги и представляет интересы барыги же.

– А чего ты, собственно, ожидал? – как можно нейтральнее спросил Петрухин, на раздва раскусивший настроение напарника. – Ты все правильно щас сказал: барыга редко мечтает о мести. Нет, возможно, он о ней и мечтает. Но когда появляется выбор между мщением и денюжкой, выбирает, естественно, денюжку.

– И тебя здесь ничего не смущает?

– Абсолютно ничего. Это, брат, марксизм.

– Не знаю, марксизм это или, напротив, какой-нить мазохизм. Но в любом случае получается, что я сейчас работаю не ради того, чтобы поднять убийство и, извини за пафос, отдать

убийцу правосудию. А за то, чтобы один барыга смог подоить другого, козыряя раскрытым убийством?

– Исчерпывающая формулировка. Мудро, глыбко.

– А тебе не кажется, Дима, что мы с тобой снова занимаемся мерзостью?

Петрухин остановился, уперся взглядом в напарника и заговорил медленно, с нажимом:

– Ох ты ж, какие мы стали нравственные!.. А когда ты брался за это дело – ты о чем думал? А когда вставал под знамена бывшего криминального авторитета по прозвищу Брюнет, а? Что, ностальгия по ментовскому прошлому замучила?

– Может, и замучила, – глухо сказал Купцов, отводя глаза.

Самое поганое, что Петрухин угодил в самую точку.

Ибо, вставая под «магистральные» знамена, Леонид и в самом деле не питал никаких иллюзий. В тот момент его действительно вела ностальгия по ментовскому прошлому, которое Купцов, впрочем, никогда не идеализировал. Так как в нем, в славном следацком прошлом, тоже всякого хватало: и дуроломства, и бюрократических загогулин, и липы. Но! Была и работа. Честная работа по очистке города Петра, Ленина и – не к ночи будь помянутого Анатолия – от подонков всех мастей.

– Нет, дружок, это не ностальгия – это ты с жиру бесишься! – не на шутку завелся Дмитрий. – Тот же Брюнет дал тебе возможность заниматься Делом! При этом ты не связан рамками УПК. Ты получаешь за свой труд весьма немалые деньги. Чего еще тебе надо? Чего ты злишься?

Купцов промолчал.

– А злишься ты, дружок, на своих коллег – бывших ментов – и... главным образом... на себя. Ответь, только честно: а с какого такого перепугу, собственно?

– Я... я не знаю.

– Да всё ты знаешь! Просто в тебе подал голос основной ментовский инстинкт: вор должен сидеть в тюрьме! А нынешний сценарий такого, похоже, не предусматривает. Вот потому ты и зол, следачок. Злой и нервный. Как баба беременная... Всё, чао, бамбино. Отгоняй «фердинанда» в стойло, а я прогуляюсь. Подышу перед сном свежим воздухом.

– Погодь, Дима...

– Ша, Лёня! На сегодня – всё! Дай мне провести остаток вечера без этого твоего мозгобства и достоевщины!..

Петрухин резко развернулся и быстрым шагом двинул в сторону Невского проспекта. Оставляя приятеля один на один с его нравственными терзаниями. Однако, пройдя каких-то метров двадцать, Дмитрий на ходу вытащил мобилу и вызвал номер Голубкова.

Продолжающий отбывать номер в «Храме искусств» Брюнет далеко не сразу, но отозвался:

– Алё! Борисыч, ты? Что стряслось?

– Витя, ты географически сейчас где?.. Охренеть! И как долго ты там еще пробу-дешь?.. Да нет, просто назрела потреба побазарить... А это удобно? Супруга не загрызет?.. Ну смотри, только на меня потом не сваливай. Тогда через полчаса встречаемся в лобби-баре в «Европейской». Договорились. Конец связи!..

* * *

«...Лёнчик начал психовать. – размышлял/прикидывал Петрухин, потягивая виски в ожидании Брюнета. – Отчасти я его понимаю. Расклад-то ведь какой получается? А такой, что мы практически вышли на исполнителей. Может стать, конечно, что тверские жители Петров и Мирошников, билеты которым на вечер „черного вторника“ заказывала Татьяна,

не при делах, но это маловероятно. Девять из десяти, что именно эти двое орудовали на Казанской. И что звонок в приемную “Манхэттен-Плюс” был докладом Митрохе или Бодуле о проделанной работе. Судя по всему – Митрофанову, так как именно он вскоре дал указание секретарше приобрести на вечер два билета до Твери. Гастролеры сделали свое дело – гастролеры могут укатить... И вот теперь мы на них вышли. Кстати, снова сделали это очень элегантно, аналитически. Мы вышли на них, и Лёня вдруг принялся психовать. След-дак-интеллигентн-ишко, мля!..

Я вот, например, мужик простой, без всяких морально-этических прибабасов. Я – мент. Притом что и мне сия ситуевина тоже не шибко нравится. Потому как сейчас требуется что? Сейчас надо оперативно ехать в Тверь и брать эту сладкую парочку: здрасте, господа киллеры-шмиллеры, пожалуйста в Питер. Вас ждет там масса интересных встреч.

И вот отсюда и начинаются проблемы. Не в том смысле, что повязать этих орлов большая проблема. Хотя и она имеется, но дело все-таки не в ней. А впрочем... впрочем, и в ней тоже. После того как мы лоханулись при задержании Саши Трубникова, Лёнька сильно переживал. Он вида-то не показывал, но я ж не дурак. Мы с ним после той истории поехали ко мне и напились как последние сволочи. Я видел, с каким остервенением Лёня пил. Он ведь вообще-то этого дела не любитель, но тогда оторвался на всю катушку... Потом вышла маразматическая совершенно история с чиновниками из Минспорта. Она вполне могла бы стать почти анекдотом, да только в сухом остатке завершилась двумя трупами. Какой уж, к черту, анекдот? Лёнька-то в истории со Шмаковым вообще был ни при чем – это я все затеял. А переживал гражданин Купцов. Мы потом, когда схлынули эмоции, обстоятельно потолковали и сошлись на том, что самостоятельностью надо бы поменьше злоупотреблять. Расследование – это расследование, это, как говорится, наше. Но вот дальнейшие шаги – задержания, „аресты“ – стоит все-таки оставить государству. Или, по крайней мере, подходить к этому делу взвешенно. И вот теперь мы снова встали перед этой проблемой.

В принципе, конечно, можно выложить перед новыми боссами „Феникса“ отчет о проделанной работе с обоснованием выводов и фамилиями тверских ребятишек в последнем абзаце. Но им-то нужен заказчик! Им позарез нужен заказчик. С железными доказательствами. Они ведь и без нас догадываются, что к убийству Людоеда приложил руку господин Митрофанов. Ну и что? А ничего. Пока не будет показаний Петрова или Мирошникова, что на убой их подражал Митроха, не будет и разговора. Значит, нужно ехать в Тверь... А Лёничек некстати начал психовать. Вон как на улице на меня выверился...»

Петрухин заказал себе еще соточку, закурил очередную («это ж какую сегодня по счету?») сигарету и продолжил размышлять о предстоящей командировке в Тверь. Вернее, о том, что делать с Купцовым? Потому как с таким настроением, как у напарника, лучше и вовсе не ездить...

Дмитрий думал-думал и к запоздалому появлению в лобби-баре Брюнета таки придумал:

«Может, Лёнька мне потом за это выпишет по полной схеме, – подвел он итоговую мозговую черту. – А может, наоборот, спасибо скажет. Но в любом случае, это – реальный выход...»

– Вить! Ради бога, извини, что помешал насладиться прекрасным!

– Наоборот, тебе спасибо! – отмахнулся Голубков, присаживаясь напротив. – Большущее «данке шён», что вытащил меня из этой... богадельни.

– Неужто все так плохо? Не впечатлили? ЛебедЯ?

– Да кабы еще были лебедЯ, а то ведь – сплошной модерЪн. От слова «дерьмо». Правда, я даже не знаю, что было хуже: сам балет или приехавшая с Одессы женушкина тетушка-

балетоманка. У-у... гримза старая!.. Хрен ей между... Ну давай, докладывай: что там у вас стряслось? Я так понял, халтурка людоедовская срывается?

– Типа того.

– Неужто следствие зашло в тупик? А как же мой авторитет?

– Со следствием как раз все пучком, – успокоил Дмитрий. – Равно как с твоим авторитетом. Здесь – не с большой, как сейчас принято писать у журналистов, а с маленькой буквы «а». Короче: менее чем за неделю мы практически вышли на исполнителей мокрухи, но тут неожиданно наш с тобой общий знакомый начал психовать.

– О как? С чего бы это?

Петрухин допил виски и заговорил с плохо скрываемой досадой:

– На самом деле там цена вопроса – рупь с полтиной. Но, как выяснилось, не для Купцова. Которому, оказывается, мешает жить... совесть. Вот ведь хреновина какая. Представляешь?

– Немного представляю, – серьезно подтвердил Брюнет. – М-да... Вот вроде бы и совсем нематериальная штука совесть – ни увидеть, ни пощупать ее нельзя. А все-таки есть. И оказывается, жить мешает. Если, конечно, человек нормальный.

– А Купчина, к сожалению, нормальный. Здесь я с позиций общего дела сожалею, разумеется. Кстати, я собираюсь еще соточку махануть. Тебе заказать?

– Да я вроде как и сам пока еще платежеспособен, – типа оскорбился Виктор Альбертович, жестом подзывая барышню-подавальщицу. – Короче, я закажу, а ты пока давай излагай ситуацию: кто, чего, когда, как и на кой?..

* * *

В общей сложности Петрухин и Голубков просидели в баре около часа.

– О'кей, – кивнул Брюнет, после того как Дмитрий озвучил свой с колес придуманный план «нейтрализации совестливого Купцова». – Сделаю, коли так надо. Тем более что я кое-что слышал за этого Бодулю – дрянь человек, хрен ему между... Но вообще, Дмитрий Борисыч, если честно, не нравится мне, в какие игры вы нынче играете.

– Вот ты, Витя, чудак-человек! Думаешь, мне они, что ли, нравятся? – абсолютно искренне ответил на это Петрухин.

Глава третья

Санкт-Петербург, 23 августа, вт.

Петрухин прикатил в офис «Магистрали» лишь в начале шестого вечера. Прикатил голодный, усталый, потративший уйму времени и нервов на подготовку экспедиционной вылазки в Тверь.

Старт они с Зеленковым назначили на 23:00, с таким расчетом, чтобы прибыть на место с утра. Ехать в конечном итоге решили на «фердинанде» решальщиков – тачка, конечно, не самая быстроходная, но зато в ее грузовом отсеке могли свободно разместиться двое завербованных Котькой бойцов из службы безопасности «Феникса». Да и для третьего человека оставалось вполне сносное койко-место. А все потому, что стараниями Купцова пресловутый «грузовой» давно был переоборудован в уютный салон с креслами, столиком, кондиционером, автономным отопителем и тонированными стеклами. Так что в случае необходимости в салоне «фердинанда» можно было с комфортом сидеть хоть сутки, хоть неделю. Хоть на рыбалку на нем, хоть в наружное наблюдение, хоть в командировку... в Тверь, за убийцей Людоеда...

Оставленный на «магистральном» хозяйстве, весь день проведенный в кабинете за разгребанием рутинных дел Купцов старательно делал вид, что изучает некие важные документы. А сам между тем искоса наблюдал за тем, как напарник молча собирает дорожную сумку. Складывая в нее фонарик, нож, травматический пистолет, наручники и прочие необходимые в подобного рода поездке ментовские причиндалы.

Какое-то время в кабинете висела тишина, давящего присутствия коей первым не выдержал Леонид:

– Ты все-таки принял решение ехать в Тверь?

– Пока у нас не будет показаний Петрова или Мирошникова, что на убой их подражали отцы из «Манхэттена», дело не сдвинется, – подчеркнуто ровным голосом сказал Петрухин.

– А ты по-прежнему убежден, что его стоит... двигать?

– Двадцать тонн на полу не валяются, – пожал плечами Дмитрий.

– Согласен, деньги хорошие. Но ведь мы свою часть работы фактически сделали. Так что Зеленков вполне мог бы прокатиться и без НАС. – Купцов намеренно сделал ударение на НАС. Интонационно давая понять, что в Тверь он, конечно, отправится, но исключительно в качестве исполнителя «придури» напарника. – Да, если ты ищешь бинокль, то он висит на вешалке.

Буркнув «спасибо», Петрухин направился к вешалке. В этот момент в кабинет решальщиков без стука вошел Брюнет и преувеличенно бодро гаркнул с порога:

– Здорова, орлы! Чем занимаетесь?

– Да так... груши околачиваем, – ответил за двоих Дмитрий.

– Груши – это неплохо. Это витамины и вообще – вкусно. Вот только я вас от этого высокоинтеллектуального занятия все-таки оторву. Надо бы в командировочку со мной сгонять.

– Куда это?

– В Петрозаводск.

– О как! А когда?

– Завтра надо быть там. А поскольку самолета сегодня нет, придется добираться по железке. Поезд в десять ноль-пять с Ладожского вокзала.

– Я не могу, – открестился Петрухин. – Мне в Тверь нужно... срочно. Тетка у меня в Твери... старая... одинокая... Заболела. Помнишь, я тебе вчера говорил?

– Да, что-то такое припоминаю. Что ж, тетка – это святое. У меня у самого сейчас тетка жены из Одессы гостит. Хрен ей между... Но я как раз в большей степени на тебя, Леонид Николаич, рассчитывал.

– Это с чего вдруг? – насторожился Купцов. – Кстати, в первый раз слышу, что у нас существуют какие-то завязки в Петрозаводске.

– А их и не существует. Пока. Но в начале следующего года мы собираемся там филиал открывать. Вот и надо бы осмотреться, провести разведку на тему местных теневых влиятельных персон. По ходу могут возникнуть разные всякие юридические тонкости, в которых я не шибко разбираюсь.

– В части «юридических тонкостей» – это скорее к Асеевой вопросы, – как бы между прочим заметил Петрухин.

– Золотые слова. Именно с Яной Викторовной я и планировал поехать. Но у нее, как назло, ребенок заболел.

– Надо же. Экая, понимаешь, непруха, – поцокал языком Дмитрий.

– Вот-вот. А что я в такой ситуации могу? Приказать? Так ведь она, блин, юрист. Она меня каким-нить Трудовым кодексом как таракана прихлопнет. Логично?

– Ага, – машинально кивнул Леонид. – Она может. Прихлопнуть.

– Вот видишь! К слову, Яна мне твою кандидатуру и порекомендовала. Сказала, что у Леонида Николаевича образование высшее юридическое и он всяко справится. В отличие от... хм... прости, Борисыч!.. от его приятеля-неуча.

– Есть такое дело, – весело подтвердил Петрухин. – Лично мы академиев не кончали. С трудом УК и УПК различаем.

– Ну так чего, Николаич? Сгоняем на два-три денька? И поработаем, и развлечемся маленько. Знаешь какие в Петрозаводске девки? У-у-у! Пальчики оближешь! Обратно уезжать не захочется.

Купцов недоверчиво качнул головой:

– Яна Викторовна? Сама порекомендовала?

– Именно. Сказала, что на Купцова в этом деле можно положиться. Мол, человек и грамотный, и надежный, – подтвердил Брюнет, заговорщицки подмигнув Петрухину.

Леонид «подмига» не уловил. Он слегка растерянно посмотрел – сначала на приятеля, потом на босса:

– Да я, собственно... я не знаю. Я ведь с Димкой собирался. В Тверь.

– На фига? У тебя ж, Леонид Николаич, извиняюсь, высшее юридическое, а не медицинское. Так ты в каком качестве собрался-то?

– В качестве морального поддержанта, – усмехнулся Дмитрий. – Ладно, Лёнька, в самом деле надо бы помочь господину олигарху. А в Твери я все улажу. Тем более что уже и с доктором Зеленковым договорился. Прикинь! Его мало того что с работы отпустили, так еще и парочку медицинских специалистов в помощь дали. По-любому справимся.

– Ну... ну конечно, – выдохнул Леонид с облегчением. – Только вы там, в Твери-то...

– Я знаю. Не волнуйся. Все будет нормально. Правда, Витя?

– Без вариантов, – согласился блестяще отыгравший свою роль Брюнет.

* * *

В начале двенадцатого «фердинанд» с Петрухиным, Зеленковым и двумя арендованными бойцами вырулил со стояночки «Феникса» и взял курс на Тверь. Бойцов звали Витя Соболев и Саша Горюнов. Второго решальщики уже неплохо знали – это был тот самый мордатый секьюр, который в день их первого визита на Казанскую пытался учить Петрухина правилам корпоративной парковки. Что касается Соболева, хотя внешне тот и смот-

релся и помоложе, и потщедушнее Горюнова, тем не менее, по заверениям Котьки, в своем весе парень был чемпионом города по боксу и вообще «подавал надежды».

С ребятами из физподдержки Дмитрий познакомился сегодня днем. Зеленков завел парней из службы безопасности в свой кабинет и представил им Петрухина словами:

– Вот, знакомьтесь. Дмитрий Борисыч. В прошлом – сотрудник уголовного розыска. Отличный опер и порядочный человек... У него есть к вам предложение.

Суть дела «отличный опер» изложил очень коротко:

– Ситуевина, братцы, такая. Есть два мерзавца, за которыми, как минимум, одно убийство. Живут в Твери. Нужно поехать с нами туда и задержать. Сразу должен сказать, что определенный элемент риска есть. Равно как обязан предупредить, что наша операция абсолютно незаконна. Если есть сомнения – лучше отказаться сейчас. В качестве гонорара выделено по пятьсот баксов каждому. Вот здесь, – Петрухин похлопал по карману, – деньги. Выплата сразу после результата. Выезжать нужно сегодня вечером. Если есть вопросы – задавайте.

Вопросы у бойцов, безусловно, имелись, но задавать их ни Саша, ни Витя не стали. Авторитет Зеленкова среди рядового состава «Феникса» был весьма высок, и его рекомендация – «порядочный человек» – сделала свое дело. Оба согласились. Разве что более молодой Соболев, для очистки совести, все-таки уточнил у старшего товарища:

– Нет, ну если они в натуре убийцы – тогда чего ж? Дело нужное. Правда, Саня?

Горюнов в ответ лишь горько, сообразно фамилии, кивнул.

На том знакомство и мероприятие по оглашению вводной и завершились.

Карелия, ж/д перегон Деревянка – Петрозаводск, 24 августа, ср.

Согласно расписанию «658-й нескорый» прибывал в Петрозаводск в 6:40.

Ровно в шесть утра, в соответствии с предварительной договоренностью, в дверь СВ-купе деликатно поскребся вышколенный проводник и, пожелав VIP-пассажирам «доброго утра», осведомился, подавать ли чай. На что получил от мрачного, невыспавшегося по причине лютого брюнетовского храпа Купцова ответ утвердительный: «Да, с лимоном».

Сам господин олигарх соизволили окончательно проснуться лишь к тому моменту, когда Леонид успел опустошить один стакан и приступить ко второму. Виктор Альбертович спустил свои могучие, густо покрытые шерстью ноги на стерильно вычищенный коврик, смачно, во всю пасть зевнул и, глянув в окно, благодушно промурлыкал:

– Долго будет Карелия сниться. Будет сниться с этих пор... Трам-пам-пам твои ресницы и чего-то там озёр... Ты чего такой смурной, Леонид Николаич? Как спалось?

– Замечательно, – деликатно буркнул Купцов.

– И мне тоже – отменно. Вообще, люблю поезда. Правда, в последние годы всё сплошь самолетами да «Сапсанами» передвигаться приходится.

– А «Сапсан» что, не поезд?

– Не-а, «Сапсан» – это все равно, что самолет на колесах. Сидишь как баран четыре часа кряду, немеешь телом и конечностями и пялишься в айпад... А я люблю так, чтобы на полочке растянуться, коньячку на два пальчика, больше и не нужно, плеснуть и, потягивая дринки, в окошко смотреть. А там, за окошком, такое кино крутЮт – куды всем этим «нейшенелам жеографикам»! – Брюнет мечтательно закатил глаза, но тут же скопился на Купцова и ревниво спросил: – О! Не понял? А мой чай где? Чё за фигня?!

Он толкнул дверь купе и ухнул в коридор:

– Проводник! Два стакана Чайковского в студию! С лимоном!

– Сей момент, Виктор Альбертович! Уже несу! – раздалось в ответ лебезивое.

Экранчик лежащего на столике мобильного телефона Купцова загорелся синим, высветив значок конвертика. Леонид развернул текст сообщения.

– От Влада эсэмэска пришла. Они уже в Петрозаводске, на привокзальной площади. Пишет, что трасса – полное дерьмо. Чуть подвеску в твоей «вольве» не угробили.

– Я им угроблю! – для порядку проворчал Брюнет, принимая из рук тенью мелькнувшего проводника затребованного «чайковского». – Отпиши ему, будь ласка, чтобы, пока время есть, на заправку проскочили и полный бак залили. Нам сегодня много кататься придется... Кстати, тебе, Леонид Николаевич, доводилось в Петрозаводске раньше бывать?

– Нет, не сложилось. Хотя у меня здесь очень хороший знакомый живет, Коля Егоров. Вместе на юрфаке учились. Сколько раз меня зазывал: на рыбалку, на охоту, да хоть бы просто повидаться – и все не срасталось.

– Рыбалка здесь – будьте-нате! – авторитетно подтвердил Брюнет. – Да и охота тоже. Помню, пару лет назад мы с Нелидовым на вертолете в такую глухомань забрались – даже жутко сделалось. Так вот зверье там – совершенно отмороженное. В смысле непуганое. Его и стрелять-то неинтересно. Именно что не стреляешь, а расстреливаешь.

– погоди! Говоришь, с Нелидовым? Это который?..

– Ну да, губер местный. Я его еще по Ленобласти неплохо знаю. Когда он с «тамбовскими»... Э-э-э-э... Короче, много там всяких военно-морских историй было, – явно опасаясь сболтнуть лишнее, Виктор Альбертович скомкал тему и отмотал диалог на пару фраз назад: – А твой приятель петрозаводский, он чем на жизнь зарабатывает?

– Замначальника районного отдела милиции.

– Не милиции, а полиции, – ухмыльнувшись, поправил Брюнет. – Что, так и не успел привыкнуть к новому названию?

– Нет, в мозгу пока не прижилось. Наверное, потому, что всю сознательную жизнь прожил с названием «милиция». Хотя то, что у нас именовалось «милицией», и не вполне соответствовало этимологии слова.

– Чему не соответствовало? А впрочем, неважно. Вот лично мне, Николаич, абсолютно по фиг: пусть они хоть как обзываются, хоть конными водолазами – лишь бы толк был. А вот как раз с «толком» покамест все не шибко кошерно.

– Согласен. Я тоже считаю, что совершенно неважно как прозываться, – кивнул Купцов. – Менты или копы? Да какая разница! Не сочти за пафос, но по мне так главное – чтобы совесть была у людей служивых. Осознание того, что они служат своему народу, Родине.

Виктор Альбертович барственно сложил руки на груди и сказал дружелюбно, безо всякого намека на сарказм:

– Что-то я в последние дни слишком часто слышу это, редкое по нынешним временам, слово.

– Какое именно? Родина?

– Совесть. А вот скажи мне, Леонид Николаевич, откуда ей взяться, совести-то? Если, допустим, ее у ментов не было раньше, откуда она теперь возьмется?

Купцов на секунду задумался и со спокойной рассудительностью ответил:

– На самом деле, Виктор, всё не так уж критично. Далеко не у всех сотрудников плохо с совестью. Лично я знаком с достаточно большим количеством людей из нашей системы: с кем-то по-прежнему дружу, с кем-то просто поддерживаю отношения. Так вот: все они – вполне нормальные, совестливые люди. И настоящие профессионалы. Да, порой они могут позволить себе нарушение дисциплины, могут позволить «где-то, чего-то, как-то». Но! Это «чего-то и как-то» никогда не выходило за рамки. Те, за которыми кончается порядочность и начинается нечто противоположное.

– Узнаю, узнаю брата Колю, – рассмеялся Брюнет. – Сейчас ты, возможно сам того не замечая, невольно обрисовал портрет нашего общего друга Борисыча.

– Разве? Ну может быть. Может, ты и прав... К слову, Виктор, я давно хотел тебя спросить, да все подходящий момент не подворачивался.

– Спроси, коли хотел.

– Что там за история у тебя в 2006 году приключилась? По Главку разные слухи тогда ходили. Но я, признаться, так толком и не понял: в чем трагедь и кто кого завиноватил? Вроде как даже Димка в ней каким-то боком поучаствовал?

Виктор Альбертович помрачнел лицом, отвернулся к окошку и некоторое время молчал. Затем допил остывший чай, проглотил лимонную дольку и, глухо откашлявшись, попросил:

– Знаешь, Леонид Николаич, давай мы за эту тему другим разом погутаим? Потому как врать мне тебе не хочется, а к душевному стриптизу я сейчас... хм... немного не готов. Тем более что история эта длинная. А у нас до прибытия осталось, – Брюнет скосил глаза на дорогуший «Лонжин», – минут пятнадцать. Надо бы еще морду лица умыть.

С этими словами Брюнет поднялся, снял с багажной полки сумку и принялся рыться в поисках заботливо собранных супругой банно-бритвенных принадлежностей.

Тверь, 24 августа, ср.

– ...Па-адем, станичники! – провожая глазами мелькнувший по правому борту «фердинанда» указатель «Тверь. 12 км», зычно прокричал сидящий за штурвалом Зеленков. – До финиша автопробега осталась последняя дюжина.

– А? Чего? – разлепил веки лишь пару часов назад закемаривший Петрухин.

Практически всю ночь в дороге он «просвещал» Саню и Витю, рассказывая о тех, кого им предстояло задержать. Дмитрий почти не скрывал деталей, справедливо полагая, что, во-первых, в такого рода делах обязательно должно существовать определенное доверие, а во-вторых, в случае успеха ребята и так многое узнают. После того как тема с «тверскими упырями» была всесторонне обсосана и обкашляна, сугубо для поддержания боевого духа Петрухин переключился на нейтральные байки и поведал бойцам несколько душераздирающих криминальных историй. Парни слушали его, раскрыв рот, до тех пор пока... пока все трое не задремали.

Так что остаток пути Зеленков провел в тишине и в шоферском одиночестве.

– Я говорю: до Твери – двенадцать километров, – продублировал Котька.

– А-а, – потягиваясь, кивнул Дмитрий и толкнул ближайшего к себе бойца, коим оказался Горюнов. – Господа спортсмены! На зарядку стаановись!..

Через десять минут колеса «фердинанда» пересекли невидимую черту и вкатили в Тверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.